

ПРОСТОНАРОДНОСТЬ

ВЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Der Weg zum Recht führt durch die Sitte,
der Weg zur Freiheit durch die Selbsterkennt-
niss, der Weg zur Macht durch das liebevolle
Umfassen unserer nationalen Eigenart. Solch
ein Weg ist langsam, aber sicher, und eine
gute Krümm' »führt nit üm.«

Riehl.

Украинскихъ писателей прежняго времени упрекають, бывало, въ простонародномъ тонѣ и складѣ ихъ произведеній. Напримѣръ, Бѣлинскаго въ этихъ произведеніяхъ поражала очень непріятно «мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора.» — «Хороша литература (воскликаетъ онъ), которая только и дышетъ, что простоватостію крестьянскаго языка и дубоватостію крестьянскаго ума!» ⁽¹⁾

Это — сужденіе знаменитаго рускаго моралиста-критика недавняго времени, — сужденіе ума, проникавшаго въ тайны общественной жизни глубже всѣхъ своихъ сверстниковъ. Какъ было не покориться его могущественному вліянію на современниковъ и не пойти слѣдомъ за Квиткою, который, внявъ добродушнымъ совѣтамъ столичныхъ пріятелей своихъ, низошелъ до подражанія великорусскимъ журнальнымъ повѣстямъ своего времени! Но украинскіе писатели пережили благополучно періодъ критическихъ авторитетовъ. Ихъ спасло уваженіе къ человѣческой личности, какъ бы низко ни была она поставлена въ гражданскомъ обществѣ, а это уваженіе проявляется во всей устной словесности нашего народа, въ его пѣсняхъ, легендахъ, притчахъ, пословицахъ, вѣрованіяхъ и понятіяхъ о человѣкѣ вообще.

Становясь на уровнѣ своей народной философіи, наши писатели этимъ самымъ засвидѣтельствовали свое сродство въ духѣ и истинѣ съ великою

(1) Сочиненія Бѣлинскаго, V, 306.

собираательною личностію простолюдина. Будучи, по своему образованію и положенію въ свѣтъ, людьми иного, не простонароднаго круга, они какъ-будто не довѣряли сами себѣ, что возьмутъ вѣрный тонъ въ повѣстяхъ и поэмахъ, разсматривая явленія народной жизни съ точки зрѣнія людей, цивилизованныхъ по-иноземному. Они не ограничились небольшимъ кругомъ людей, усвоившихъ себѣ рѣчь не-народную; напротивъ, сойдясь братеки съ милліонами нецивилизованныхъ по-иноземному земляковъ, въ общихъ всему народу чувствахъ, занялись прилежнымъ изученіемъ и разработкой осмѣиваемаго Бѣлинскимъ простоватаго простонароднаго языка и, выражая на немъ высокія поэтическія идеи, старались придать этому языку достоинство всенародной рѣчи, въ чемъ болѣе или менѣе и успѣвали. Въ то же время пиша на языкѣ, общедоступномъ для всѣхъ Украинцевъ, они этимъ самымъ внушали многочисленному обществу «живыхъ и ненарожденныхъ» соотечественниковъ своихъ убѣжденіе, что говорятъ они правду, открытую для всеобщей повѣрки. Они не поддавались подъ простоватую рѣчь человека неграмотнаго: они въ счастливѣйшихъ выраженіяхъ этой простоватой рѣчи, принадлежавшихъ людямъ по природѣ своей талантливымъ и, можетъ быть, при своей неграмотности, гениальнымъ, искали образцовъ и законовъ, какъ должно выражать душевныя движенія такимъ образомъ, чтобы литературному произведенію сочувствовало возможно большее количество читателей и слушателей. Эта рѣчь никогда не была имъ чужою: она была рѣчью ихъ матери въ то время, когда душа набиралась первыхъ понятій о достойномъ и недостойномъ, о прекрасномъ и отвратительномъ, о правомъ и неправомъ. Поднимая этой рѣчью повѣсть о старомъ и новомъ времени до общечеловѣческаго достоинства слова, они избѣжали со стороны своихъ настоящихъ и будущихъ читателей недовѣрчиваго вопроса: да знали ли они близко жизнь, которую изображали? Что они не сочиняли того, чего не могло быть въ украинской жизни, — доказательствомъ этому служить именно призваніе всего грамотнаго народа украинскаго къ чтенію ихъ произведеній, — призваніе посредствомъ языка, общедоступнаго въ Украинѣ. Не въ замкнутомъ обществѣ любителей словесности провѣряли они жизненный смыслъ своихъ произведеній: они пускали ихъ прямо въ народъ, — въ тѣ слои общества, которые не станутъ попусту тратить на чтеніе времени, нужнаго для самыхъ насущныхъ трудовъ и заботъ. Быстрая распродажа дешевыхъ изданій въ провинціальныхъ захолустьяхъ украинскихъ всего лучше дока-

зала воспитательное значеніе нашихъ, покамѣсть всё еще немногихъ, литературныхъ произведеній.

Но въ то время, когда люди, поднявшіеся, посредствомъ образованія, выше уровня массы простонародья, отъ времени до времени подкладываютъ ему удобопринимаемую имъ умственную пищу, — простонародье, съ своей стороны, раскрываетъ передъ ними богатства своей рѣчи, своего самобытнаго ума, своей по природѣ эстетической фантазіи. Единственный покамѣсть литературный органъ украинскій, *Основа*, представилъ уже довольно образцовъ переведенной на бумагу устной народной словесности и обладаетъ, по этому отдѣлу своему, сравнительно самымъ богатымъ запасомъ матеріаловъ. По нашему личному мнѣнію, украинскій журналъ долженъ давать еще больше мѣста этого рода статьямъ, сравнительно съ собственно-беллетристическими пьесами въ стихахъ и прозѣ. Эти рассказы, записанные со словъ старожиловъ или людей, одаренныхъ природною красотою и силою слова, составятъ насущную пищу талантовъ, еще необнаружившихся, находящихся нынѣ еще въ дѣтствѣ и младенчествѣ своего возраста. По нимъ и писатели, выступившіе ужé на свое поприще, будутъ провѣрять свой языкъ, тонъ, вкусъ и самый строй мыслей. Эта полная свѣжихъ жизненныхъ соковъ почва дастъ въ свое время богатѣйшіе плоды.

Мы ужъ не говоримъ о томъ, что для этнографа этотъ отдѣлъ журнала — настоящая золотая розсыпь, на которой, съ помощью самой малой промывки, онъ добудетъ свѣдѣнія объ Украинскомъ народѣ безцѣнныя. Вотъ почему, обращая на этотъ отдѣлъ *Основы* вниманіе ея читателей, мы въ то же время совѣтуемъ каждому, кто обстоятельствами жизни поставленъ въ близкія отношенія съ лучшими представителями простонародья и вообще такъ-называемыхъ въ Украинѣ *людѣй тямущихъ*, — слушать ихъ съ полнымъ вниманіемъ и класть на бумагу слышанное въ возможно безыскусственномъ видѣ.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы въ этомъ родѣ дѣятельности не было своего, особеннаго искусства. Оно состоитъ въ умѣнии выбрать между говорунами лучшаго и изъ его рѣчей замѣтить истинно интересное. Намъ случалось быть свидѣтелями, что одинъ и тотъ же рассказчикъ доставлялъ одному слушателю самыя драгоценныя вещи, тогда какъ другой ловилъ въ его рѣчахъ несвязныя мелочи, изъ которыхъ могъ бы выбрать для себя кое-что только опытный писатель, но который для слушателя обыкновеннаго были скучны и только. Стоитъ подумать надъ этимъ каждому: почему иной рассказчикъ увлекаетъ изуст-

нымъ словомъ кружокъ слушателей, нечуждыхъ эстетической образованности, и тотъ же самый рассказчикъ, будучи грамотенъ, не въ состояннн положить своего рассказа на бумагу такъ, чтобъ это не было скучно для тѣхъ же самыхъ слушателей. Еще поразительнѣе фактъ, что двое записывающихъ слышанное, повторивъ очень близко чей-нибудь очень занимательный рассказъ, производятъ на насъ до такой степени различное впечатлѣнн, какое мы испытываемъ, читая хорошую и плохую повѣсти. Бывали случаи, что записанное изъ устъ рассказчика, безъ примѣси фантазш, принималось читателями за произведеніе самаго эстетическаго литературнаго таланта, тогда какъ то же самое перо вслѣдъ за тѣмъ производило, на основаннн вымысла, вялый и скучный рассказъ, въ которомъ только предубѣжденный читатель искалъ слѣдовъ таланта.

Все это мы говоримъ для того, чтобы каждый, кому дорогá идея родного слова нашего, идея глубоко жизненная, взявъ на себя трудъ подумать объ этнографическихъ очеркахъ и потомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, провѣрять свои умозаключенія на самомъ дѣлѣ. Есть въ жизни много такого, чему никакъ другого не научишь. Воспроизведеніе слышаннаго въ такой силѣ и истинности, чтобы тѣ, кто не слышалъ, испытывали, читая написанное, то самое, что ощущалъ писавшій, принадлежить, можетъ быть, къ тому же роду искусства, что и воспроизведеніе въ словѣ видимаго глазами, хотя здѣсь механизмъ дѣйствія ошутительнѣе для нашего наблюденія. Поэтому мы никакъ не скажемъ, чтобы это было дѣло легкое, все равно какъ не скажемъ, что оно — маловажное дѣло.

Указывая выше на плоды подобныхъ трудовъ, мы исчислили еще не все. Последнимъ и важнѣйшимъ ихъ результатомъ можетъ быть появленіе цѣлой области литературныхъ произведеній во вкусѣ и въ духѣ Украинскаго народа. Какъ ни высоко стоитъ Итальянецъ Боккаччо на судѣ потомства, но онъ, собственно говоря, былъ не болѣе, какъ искусный пересказчикъ слышаннаго и испытаннаго лично. Между тѣмъ, смотрите — какую важную роль играла его знаменитая книга *Il Decamerone*, этотъ сборникъ небольшихъ, очень просто — хотя и очень увлекательно — написанныхъ рассказовъ: поэмы, драмы, комедіи, романы пестрымъ роємъ вылетѣли изъ этой книги и распространились по всей Европѣ такъ широко, что и въ русской литературѣ можно указать отголоски неподражаемой болтовни Флорентійца XIV вѣка. Никто изъ поэтовъ не произносилъ имени Боккаччо безъ уваженія, а Байронъ, въ энтузіазмѣ благодарно-

сти, которую онъ питалъ ко всѣмъ достойнымъ своимъ предшественникамъ, выразился о немъ такъ, что этотъ, какъ онъ его назвалъ, Bard of Prose, авторъ сотни романическиххъ разсказовъ, развѣ немного ниже Данта и Петрарки ⁽¹⁾. Такимъ образомъ и для талантливаго собирателя народныхъ разсказовъ украинскихъ (здѣсь въ самомъ дѣлѣ необходимъ особеннаго рода талантъ) можетъ представляться въ будущемъ сладкая, не-отравленная сознаниемъ мелкаго самолюбія или корыстныхъ видовъ, надежда, что за его трудъ поблагодарить его нѣкогда еще не рожденный Байронъ.

Вообще, важность нашихъ дѣлъ, каковы бы они ни были, не должна быть измѣряема успѣхомъ ихъ во время самого совершенія; въ-отношеніи же украинской словесности, всего вреднѣе было бы для общаго нашего дѣла, еслибы мы управлялись желаніемъ скораго торжества. Довольно съ насъ глубокаго сознанія, что мы всѣ, какъ бы ни были различны наши силы, дѣлаемъ дѣло народное и въ настоящемъ строимъ будущность не собственную, не личную, а будущность нашего народа въ неопредѣленно-далекомъ времени. Сильное проникновеніе наше духомъ собирательной личности простолюдина и заявленный множествомъ слушаевъ отвѣтъ этой личности на наши человѣчныя понятія о ней и братскія чувства къ ней — служатъ намъ достаточнымъ ручательствомъ, что, при всей малости нашей, какъ отдѣльно взятыхъ единицъ, мы всѣ вмѣстѣ дѣлаемъ дѣло не малое. Забудутся ли наши имена, или возсіяютъ въ самыхъ прочныхъ памятникахъ народной жизни, т. е. въ произведеніяхъ великихъ писателей, — все равно, предчувствіе грядущаго оживленія Украинскаго племени должно сладко согрѣвать каждую душу въ ея стремленіи къ безконечному.

Возвращаясь къ началу нашей рѣчи, скажемъ, что Бѣлинскій, при всей самостоятельности своего критическаго таланта, не въ силахъ былъ стать выше понятій современнаго ему русскаго общества и, еслибы даже возымѣлъ, какимъ-нибудь чудомъ, идею о простонародности литературы, осуществляемую въ настоящее время Украинцами, то его бы никто не поддержалъ, — всѣ остались бы глухи къ его убѣжденіямъ. У насъ эта идея возникла въ слѣдствіе историческаго хода общественной жизни.

⁽¹⁾ Dante, and Petrarch, and scarce less than they,
The Bard of Prose, creative spirit! he
Of the Hundred Tales of love....

Грамотная часть украинскаго общества, еще до соединенія Украины съ государствомъ Московскимъ, въ своихъ бесѣдахъ отклонялась отъ общей всѣмъ украинской рѣчи въ церковно-славянщину, въ польщизну и въ этотъ средній между тремя элементами языкъ, которымъ писались тогдашніе юридическіе акты. По присоединеніи Украины къ государству Московскому, грамотные люди отклонились еще больше отъ простонародной рѣчи въ тотъ языкъ, который наши академики и семинаристы, вмѣстѣ съ московскими грамотѣями, выковали для officialнаго и литературнаго употребленія во всемъ государствѣ; а когда въ Россіи появились стихотворцы, повѣствователи и историки, когда устроенныя російскимъ правительствомъ такъ-называемыя народныя училища и умноженныя російскимъ синодомъ семинаріи охватили всю Украину пропагандою искусственнаго языка, составленнаго общими трудами украинскихъ и великорусскихъ грамотныхъ людей, — простонародный украинскій языкъ слышался только въ пѣсняхъ да въ бесѣдѣ людей, неумѣвшихъ, по недостатку книжной образованности, объясняться иначе.

Какъ ни много вошло украинскихъ словъ и оборотовъ въ книжную великорусскую рѣчь, но въ ней естественно преобладали элементы великорусскіе. То, что не было внесено въ нее изъ простонароднаго языка, оставалось въ пренебреженіи у литераторовъ и равнодушно было обречено ими на забвеніе, чему доказательствомъ служатъ и приведенныя нами слова Бѣлинскаго. Между тѣмъ, посмотрите, кто вносилъ словесный матеріалъ украинскій въ великорусскую рѣчь во время ея литературной обработки? Люди предубѣжденные противъ простонародности уже по одному тому, что захватили отъ польскаго образованнаго, шляхетскаго общества извѣстное всѣмъ пренебреженіе къ простому народу. За неимѣніемъ въ языкѣ московской письменности и въ рѣчи великорусскаго простонародья такихъ словъ и оборотовъ, которые бы соответствовали новымъ государственно-общественнымъ потребностямъ, они брали изъ украинскаго языка только то, что могло быть терпимо въ новой средѣ, въ которой они очутились необходимыми дѣятелями; все же, на чемъ лежалъ отпечатокъ «простоватости крестьянскаго языка и дубоватости крестьянскаго ума», какъ выразился Бѣлинскій, — все это они считали недостойнымъ появляться въ проповѣдяхъ, законахъ, учебникахъ и чисто-литературныхъ произведеніяхъ. Естественно, что браку осталось слишкомъ много и что въ этомъ браку погребены были сокровища украинскаго слова, незримыя глазами, притушенными чтеніемъ составленныхъ опричь народа писаній.

Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, это былъ ни на что негодный соръ, то онъ бы такъ и погубъ въ забвеніи; украинскіе простолюдины *поіакали* бы, *поіакали* еще съ полѣвка, да и усвоили бы себѣ великорусскую книжно-народную или народно-книжную рѣчь, подобно какимъ-нибудь Зырянамъ; ато нѣтъ! Языкъ, не вошедшій въ великорусскую письменность, выражалъ жизнь, богатую своими особенностями, и засвидѣтельствовалъ свою гармонію и силу во множествѣ изящныхъ произведеній простонародной словесности. Народъ неграмотный дорожилъ своимъ языкомъ и не захотѣлъ съ нимъ разстаться. Предать забвенію памятники народного слова оказалось невозможнымъ для людей образованныхъ, да и сама наука книжная занялась ихъ спасеніемъ.

Не стану распространяться здѣсь о весьма важномъ обстоятельствѣ: что въ то время, когда дворянскія дѣти поступали въ низшія учебныя заведенія, гдѣ приходилось имъ усваивать знанія и выражать ихъ посредствомъ искусственнаго общерусскаго языка, они оставляли дома мать и нянекъ своихъ, которыя до тѣхъ поръ говорили съ ними на простонародномъ языкѣ. Заблужденіе нашихъ отцовъ и дѣдовъ, что дѣвцамъ не должно давать такого умственнаго образованія, какъ мальчикамъ, было причиною, что женщ. ая часть средней руки дворянства оставалась вообще мало знакомою съ языкомъ великорусскимъ. О дворянахъ мелкопомѣстныхъ и говорить нечего. Тѣ просто говорили: »Зачѣмъ учить дѣвчатъ грамотности? для того развѣ, чтобъ къ паничамъ письма писали?« Это-то обстоятельство было причиною, что многія матери людей образованныхъ были у насъ вовсе не грамотны или полуграмотны, а неграмотность и полуграмотность дѣлала то, что онѣ съ своими сыновьями, будущими учеными и писателями, объяснялись на томъ самомъ языкѣ, что и какая-нибудь нянька-бабуся. Образованный изученіемъ иностранныхъ литературъ умъ не могъ оставить безъ вниманія красоту материнскихъ рѣчей, непохожую ни на что имъ усвоенное въ школѣ. Онъ естественно давалъ ей цѣну высокую, хотя и не имѣлъ еще средствъ доказать ее литературнымъ способомъ.

Народныя пѣсни украинскія, на которыя обращено вниманіе съ 1819 года, помогли этой оцѣнкѣ. Тутъ мы увидѣли, посредствомъ печати, яснѣе прежняго, какъ прекрасенъ языкъ, о которомъ ни слова не говорится въ учебникахъ и надъ которымъ наши наставники глумятся съ каедръ (1). Сочиненія украинскихъ писателей, воспроизведшихъ остав-

(1) Подобное глумленіе можно было слышать еще недавно въ классныхъ залахъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ отъ одного ученаго му

ленную нами въ селахъ и хуторахъ жизнь языкомъ нашихъ матерей, довершили наше перерожденіе относительно украинскаго слова. Нашей душѣ любо было въ той стихіи, которою продолжали жить непередѣланные школою спутники нашего дѣтства; мы радостно нисходили съ училищныхъ высотъ въ простонародную толпу, и одна мысль, что мы говоримъ и чувствуемъ то, что говорятъ и чувствуютъ миллионы незахваченныхъ учебниками людей, давала нашимъ умственнымъ силамъ молодую свѣжесть.

Сближаясь съ простонародною жизнью такъ-сказать изъ благодарности за то, что въ ней протекло наше дѣтство, мы увидѣли въ этой жизни вооруженнымъ наукою зрѣніемъ много невѣдомаго нашимъ наставникамъ и, между прочимъ, пришли къ убѣжденію, что простонародная украинская жизнь есть цѣлый міръ самостоятельныхъ понятій человѣка о томъ, какъ ему быть на свѣтѣ. Жизнь эта, какъ мы увидѣли, не такъ мелкодонна и узка, чтобы ее исчерпать наблюдательнымъ умомъ въ теченіе короткаго времени. Жизнь эта посвоему сохранила слѣды глубокой старины славянской и потомъ удержала въ высшей степени любопытные остатки историческаго бытія народовъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло ея теченіе. Въ ней до сихъ поръ встрѣчаешь характеры, по которымъ не только поэтъ, но и историкъ можетъ возсоздавать личности, затуманенныя лѣтописями и историческими системами. Она, однимъ словомъ, заняла насъ, какъ новая наука, которой до сихъ поръ не было дано принадлежащаго ей мѣста въ ряду предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію свободнаго ума человѣческаго. Отсюда-то, изъ этой таинственной глубины, въ которую начали мы погружаться съ недавняго времени, сила вещей начала, такъ сказать, выбрасывать на берегъ сокровища, показанныя намъ въ обработанномъ видѣ нашими писателями.

Но все, что до сихъ поръ сдѣлано украинскою словесностію, есть не больше, какъ доказательство, что не напрасно образованные Украинцы обратились къ изученію своего простонародья и всего, что составляетъ сложившійся въѣками міръ простонародной жизни.

Человѣчество не пускаетъ въ ходъ всѣхъ своихъ запасовъ разомъ. Многое у него остается до поры до времени въ сироту; многое оно разрушаетъ, передѣлываетъ посредствомъ новыхъ явленій жизни въ иной видъ и потомъ опять обновляетъ забытое въѣками, пренебреженное на-

жа, котораго отецъ, не смотря на продолжительную службу, до сихъ поръ иначе не объясняется, какъ по-украински.

родами бытіе. Къ такимъ дивамъ, которыхъ смысла всё еще не разгадала наука, принадлежитъ воскресеніе Славянскаго міра, а въ Славянскомъ мірѣ — воскресеніе украинской словесности. Дѣатели этой словесности, захватывая въ кругъ разнообразныхъ своихъ трудовъ всю массу говорящихъ по-украински и любящихъ украинскій языкъ, этимъ самымъ заявляютъ человѣчность своихъ стремленій. Самая многочисленность личностей, на которыя распространены братскія заботы украинскихъ мыслящихъ людей, служить нѣкоторымъ образомъ порукою въ томъ, что, еслибы это дѣло было не нужно для жизни, еслибы оно было утопическою фантазіею только немногихъ людей, то собирательный разумъ заинтересованной въ немъ массы самъ собою рѣшилъ бы его несостоятельность. Для нѣсколькихъ вліятельныхъ умовъ возможно убѣдить въ чемъ-нибудь эфемерномъ аудиторію, или замкнутое общество любителей словесности, возможно даже — какъ это мы и видимъ — создать цѣлый кругъ московскихъ славянофиловъ, измечтавшихъ себя какую-то Россію, небывалую для историка и несуществующую для простонародья; но относиться съ кабинетною мечтою къ тринадцати-милліонному обществу не возможно безнаказанно. Сговориться между собою, подобно московскимъ славянофиламъ, украинскій народъ не имѣлъ никакой возможности. Слѣдовательно было бы весьма естественно противодѣйствіе съ его стороны усиліямъ нашихъ писателей, еслибы они были признаны вредными или ненужными. Это противодѣйствіе необразованный народъ всего скорѣе могъ бы выразить совершеннымъ равнодушіемъ къ украинскимъ произведеніямъ, а людъ грамотный — печатнымъ отреченіемъ отъ нашей словесности.

Вмѣсто того мы видимъ явленія противоположныя. Никогда не слышавшій объ украинской словесности выходецъ изъ Украины въ Саратовской губерніи и сельскій житель между Львовомъ и Черновицемъ одинаково сочувствуютъ задумевшему стиху Шевченка. Случайно попавшая въ руки какого-нибудь загнаннаго семинариста повѣсть Квитки производитъ въ немъ переворотъ и присоединяетъ его къ народу, отъ котораго его отознило училище. Уроженецъ Воронежской губерніи и воспитанникъ московскаго пансіона, а потомъ Харьковскаго университета, чтеніемъ украинскихъ пѣсень наводится на прямой путь и является нашимъ роднымъ дѣателемъ. Рано еще обнародывать подобные факты, но ихъ у насъ множество. Что же касается до отреченія, то, при всемъ разнообразіи съ нами многихъ изъ цивилизованныхъ по-иноземному Украинцевъ, никто изъ нихъ до сихъ поръ не отрекся печатно отъ Шевченка, со-

ставляющаго лучшее украшеніе нашей словесности. Скажемъ болѣе. Съ того времени, какъ украинская словесность, съ изданіемъ *Основы*, пошла болѣе твердыми шагами и всѣ лучшіе великорусскіе журналы заявили свое сочувствіе къ честной, въ политическомъ мірѣ, украинской народности, — трудно встрѣтить образованнаго Украинца, который бы не признавалъ себя Украинцемъ. Но, еслибы появилось даже и много такихъ лицъ изъ Украинцевъ, которые, подобно профессору Срезневскому (природному Ярославцу), объявили бы съ кафедры, что украинская литература — мечта, а украинская народность — выдумка; то участіе множества грамотныхъ людей и повсемѣстное сочувствіе простонародья къ произведеніямъ нашей словесности сами по себѣ служатъ прочною основою дѣлу и обезпечиваютъ его, какъ отъ упадка, такъ и отъ уклоненія въ сторону, противорѣчащую насущнымъ требованіямъ жизни.

Такимъ образомъ простонародность въ украинской словесности не есть свидѣтельство безсилія нашихъ авторовъ писать для выдѣлившейся изъ народа сравнительно малочисленной части Украинцевъ, а напротивъ — залогъ общенароднаго развитія нашей словесности въ будущемъ, на широкомъ основаніи. Европейская цивилизація не представляетъ для насъ чего-то ненавистнаго, какъ для московскихъ славянофиловъ, которые объявили Западъ гнилымъ и изобрѣли какое-то *русское воззрѣніе* на науки и искусства. Мы изучаемъ дружески все, что выработано другими обществами и народностями, но благъ для нашего народа ожидаемъ только отъ своеобразнаго развитія его собственныхъ нравственныхъ силъ и отъ увеличенія средствъ къ жизни на его родной почвѣ. Мы не говоримъ, подобно прежнимъ русскимъ патріотамъ, что мы «идемъ быстрыми шагами по пути просвѣщенія.» Ходъ нашъ не можетъ быть очень быстръ, потому что насъ, желающихъ дѣйствовать при свѣтѣ науки, очень много, и для насъ — для людей *громадскихъ* по своему міросозерцанію — не мыслимъ истинный прогрессъ не только для цѣлаго народа, но даже для малочисленнаго общества, пока оно окружено со всѣхъ сторонъ непонимающими его толпами. Медленна должна быть наша работа, но вѣрна. Чѣмъ больше человѣчности видимъ мы въ Украинскомъ народѣ, тѣмъ больше должны мы приложить попеченія о томъ, чтобы каждая сколько-нибудь мыслящая голова понимала ясно другую. Тогда только слово, эта великая сила человѣческой природы, вступитъ во всѣ свои права.

П. Кулишъ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.⁽¹⁾

27 іюля, Гриневъ, Стародубскаго ульзда.

— Какая у васъ рѣка? спросилъ я переправлявшихся на поромѣ со мной козаковъ съ возами дровъ, подъ самымъ городомъ Погаромъ.

— Наша рѣка прозывается Судогость, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: вода ужъ очень сладкая, оттого и называется рѣкою Судогостию.

— Я какъ-то въ толкъ не возьму: вода сладкая въ рѣкѣ, оттого и рѣка называется Судогостию.

— Вода сладкая, рѣку и назвали Сладостию; рѣка наша сперва такъ и называлась.

— Какъ же она теперь называется не Сладостию, какъ ты говоришь, а Судогостию?

— Татары такъ ее назвали: по-нашему сладость, а по-татарски судогость, все одно и тоже слово. ⁽²⁾

— Да нашъ и городъ сперва былъ не Погаръ, прибавилъ другой козакъ.

— А какъ же?

— Сперва онъ прозывался Радовое.

— Не Радовое, — Радувуль, поправилъ первый козакъ.

— Это все равно: что Радувуль, что Радовое, а только не Погаръ. Сперва, кто ни заѣдетъ въ нашъ городъ — всѣхъ радовало; а тамъ,

⁽¹⁾ Первые письма напечатаны въ послѣдней книжкѣ *Основы* за 1861 г.

⁽²⁾ Это же я слышалъ отъ О. А. Круковского, привѣтливостию котораго я пользовался, бывши въ Погарѣ.

какъ сталъ нашъ городъ горѣть: то нонче пожаръ, то завтра другой... да пожары какіе были? весь городъ выгорить! »какой, говоритъ народъ, это Радувуль? Это Погаръ!« Съ тѣхъ самыхъ поръ и стали называть Погаромъ.

— Для кого Погаръ, а для кого остался все тотъ же Радувуль: у насъ въ городѣ всѣ живутъ по закону, какъ Богъ велѣлъ.

— Я думаю, есть и всякіе?

— Какъ не быть! А все-таки про нашъ городъ ничего дурного ни-гдѣ ты не услышишь.... А сколько изъ нашихъ простыхъ козаковъ, сколько въ хорошіе люди вышли, въ чиновные....

— Кто же?

Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько именъ.

— Да не то, что вышли въ люди, это бы ничего; а то важно, что въ хорошіе люди: какому бѣ служить и не въ нашемъ городѣ, а онъ служить въ Погарѣ: »я, говоритъ, лечить, учить буду въ своемъ городѣ!« И отъ своихъ ближнихъ не отрекается: приди къ нему родня хоть въ какой свиткѣ — все родня!

Похвалу своему городу, своей родинѣ, вы услышите часто отъ многихъ — только на чужбинѣ; на мѣстѣ же, дома, мнѣ привелось слышать только другой разъ: одинъ разъ я слышалъ въ Ярославлѣ, а другой здѣсь въ Погарѣ.... Что за счастливые въ самомъ дѣлѣ эти два города!

Поднявшись на крутую гору, вы въ самомъ центрѣ города Погара. Много есть на Руси деревень, за какія-то услуги произведенныхъ въ города, и эти города какъ-то неловко назвать городомъ; къ числу такихъ мѣстечекъ по-видимому принадлежитъ и Погаръ городъ, только къ его титулу »городъ« прибавлено извинительное слово: »заштатный«: всё какъ-то не такъ совѣстно.

Мнѣ кажется, что мы только изъ трусливой учтивости называемъ, титулуемъ »городами« Богодуховъ, Валуйки, Нижнедѣвицкъ, точно также какъ пьяная баба титулуетъ »кавалеромъ«, а часто и »вашимъ благородіемъ« будочника, который ее тащитъ въ часть. Это сходство

еще увеличивается, ежели припомнимъ, что эти славные города тѣмъ только и отличаются отъ не титулованныхъ деревень, что въ нихъ есть разные *суды*, къ которымъ простой народъ причисляетъ и *часть*, въ которую, какъ и вообще въ судъ, безъ денегъ ходить нельзя....

Точно такъ же и въ Богодуховъ, и въ Новый Осколь мужикъ ѣдетъ съ деньгами, только не для покупокъ какихъ: тамъ и купить-то ничего нельзя; а ежели ѣдетъ сюда мужикъ, то, вѣрно, есть *дѣло* какое, въ которомъ могутъ помочь частные, становые пристава, городничіе, исправники.... А потому и эти деревни надо почтить хоть какимъ-нибудь титуломъ, хоть *городомъ* назвать!... Но я долженъ сознаться, что моя гипотеза можетъ встрѣтить возраженія, а потому я приведу примѣръ безкорыстнаго титулованія.

Городъ Елецъ стоитъ на Соснѣ рѣкѣ, и этой Соснѣ Елецъ обязанъ своими многочисленными богатыми мельницами; многія мельницы приносятъ доходу болѣе 1,000 р. сер., и горожане жили себѣ покойно, пока ихъ тщеславіе не одолѣло; и обидѣла Елецъ та же рѣка Сосна, по милости которой и городъ славится своей знаменитой елецкой крупичатой мукой! А вышло и дѣло такое, что и перенести горе было нельзя! И вышло всё отъ ученья: стали дѣти въ училище ходить (въ Ельцѣ купцы есть миллионеры, а потому многіе посылаютъ дѣтей и въ уѣздное училище, гдѣ иногда дѣти ихъ доходятъ и до третьяго класса), стали дѣти географію учить, и выучили по географіямъ господъ Арсеньева и Ободовскаго, что Мценскъ стоитъ на *судоходной* рѣкѣ Зушѣ; Бѣлевъ — на *судоходной* рѣкѣ Окѣ.... Одинъ только почти Елецъ *стоитъ не на судоходной* рѣкѣ Соснѣ! Городу безчестіе большое! Какъ тутъ быть?...

На счастье города, городской голова былъ хорошъ, рачителенъ до города; сталъ голова хлопотать — сдѣлать рѣку Сосну въ Ельцѣ судоходною; поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать; да ѣздилъ не разъ, не два, а хлопоталъ, говоритъ, лѣтъ десять, и кончилъ-таки, что назвали судоходною. Приѣхалъ голова изъ Петербурга съ бумагою, въ которой объявлена Сосна — рѣкою *судоходною*! Отслужили на Соснѣ молебень съ водоосвященіемъ, окропили Сосну святою водою и зажили по преж-

нему; только что Соснѣ дали титулъ судоходной, ато мельницы мелютъ все тѣ же и такую же елецкую крупичатую муку; по судоходной Соснѣ плаваютъ тѣ же суда: у каждаго мельника есть лодка и плавать можно, когда мельница не спущена... все по прежнему; но городъ успокоился: теперь Елецъ стоитъ на судоходной рѣкѣ!... Разсказчикъ мнѣ говорилъ, что Сосна уже болѣе 15 лѣтъ какъ стала судоходною и городу чести прибавилось!...

Погаръ городъ, кажется, не такъ честолюбивъ: онъ довольствуется званіемъ заштатнаго города, и съ этимъ званіемъ соединенною властію — частнымъ приставомъ.

Кромѣ этого отличія отъ простыхъ деревень, Погаръ имѣетъ уѣздное училище, про которое сказать ничего не могу: я былъ въ вакаціонное время, стало быть и училища видѣть не могъ, но меня поразило то, что въ такомъ городѣ, какъ Погаръ, полный комплектъ учителей; а болѣе всего — разсказы, будто во всѣхъ училищахъ Кіевского округа — то же!...

Итакъ Погаръ довольствуется званіемъ заштатнаго города; а былъ и Погаръ городомъ. Еще до Татаръ стоялъ городъ Родогостье; потомъ сталъ зваться и Радувуль и Радовое, а наконецъ и Погаръ.... Былъ этотъ городъ и княжескимъ, былъ сотеннымъ мѣстечкомъ Стародубовскаго полка, наконецъ и заштатнымъ городомъ; но какъ взглянете изза Судогости на этотъ городокъ, засыпанный весь садами, то, вѣрно, скажете, что Погаръ — городъ, и городъ, который стоитъ на веселомъ мѣстѣ. Вереть за десять отъ Бугаевки показываются Погарскія церкви, и вы никакъ не ожидаете найти такой маленькій городъ; придя только въ городъ, невольно спросите: для кого же построены 9 церквей? Я въ церквахъ Погарскихъ не былъ, но по видимому можно сказать, что они очень бѣдны.

— Сколько у васъ церквей, сказалъ я козаку-хозяину, у котораго въ хатѣ остановился въ Погарѣ, — а всѣ церкви съ виду бѣдны.

— Бѣдны, отвѣчалъ козакъ: — приходы не большіе, съ чего и богатымъ имъ быть? А приходы такъ бѣдны, такъ бѣдны, что не только церковь, а и пошъ бѣдствуетъ! А объ дьяконѣ у насъ и не спрашивай....

- Дьяконъ еще бѣднѣй?
- Объ дьяконѣ въ Погарѣ не спрашивай!
- Отчего же?
- Да въ Погарѣ дьякона нѣтъ.
- Во всѣхъ девяти церквахъ дьякона нѣтъ?
- Во всѣхъ девяти и нѣтъ!
- И никогда не было?
- Какъ не быть! были, только теперь во всемъ Погарѣ-городѣ ни одного дьякона нѣтъ.
- Отчего жъ такъ?
- А Богъ святой знаетъ!
- Давно вашъ городъ стоитъ?
- Отъ начала вѣка нашъ городъ! Въ нашемъ городѣ сперва самъ сотникъ жилъ.
- Какой сотникъ?
- Чинъ такой былъ: все равно, что губернаторъ; Погаръ стало быть былъ тоже губернія.
- А какъ давно въ Погарѣ сотники были? спросилъ я у козака-хозяина.
- Да и были они еще не такъ давно: были старики-козаки, что и видали сами сотниковъ.
- А теперь нѣтъ сотниковъ, прибавилъ другой козакъ, самой невоинственной наружности, братъ хозяина.
- Отчего же?
- Перевелись!
- Насъ было и въ мужики записали, да такъ ужъ Богъ помиловалъ, да и добрые люди помогли.
- Точно, что добрые люди помогли, подговаривалъ флегматически братъ хозяина.
- Ты знаешь Гриневъ? спросилъ меня хозяинъ.
- Нѣтъ, не знаю.
- Не знаешь. Какъ пойдешь отсюда, отъ Погара къ Стародубу, такъ на половинѣ пути будетъ....
- Къ Погару ближе, перебилъ братъ.
- Къ Погару будетъ ближе, продолжалъ хозяинъ. — Такъ этимъ Гриневымъ завладѣлъ Безбородко. Завладѣлъ Безбородко Гриневымъ, захотѣлъ и Погаромъ владѣть. Сталъ просить царя... царицу: тогда царица была... сталъ просить царицу отдать ему и Погаръ-городъ....

— И отдала бы царица Безбородку Погарь-городъ, добавилъ опять братъ.

— Отдала бѣ, согласился хозяинъ, — да я и говорю, что Богъ помпловалъ и добрые люди помогли: прѣхалъ Кочубей, сказалъ городу, что Безбородко хочетъ за себя взять городъ. Какъ тутъ быть? Кочубей ихъ опять-таки научилъ: взять царскую грамоту.... А царская грамота у насъ царя Алексѣя Михайловича, и въ грамотѣ сказано: быть Погару до скончанія вѣка — городомъ. Взять ту грамоту и идти къ царицѣ просить: не отдавать Погара Безбородку, а оставить по-прежнему — вольнымъ городомъ. Хорошо. Выбрали громадой трехъ козаковъ: первый былъ Козель, другой Розько, а третій Попинака. Взяли тѣ козаки старую грамоту, пошли въ Питеръ. А тамъ въ Питерѣ царица умерла, а сталъ царить царь Павелъ. Царила царица — Безбородко силу большую имѣлъ; сталъ царить царь — Безбородкѣ силы той ужъ нѣтъ! ... Показали царю козаки грамоту, царь и указалъ: Погару оставаться по-прежнему городомъ. ⁽¹⁾

Около Погара и въ сосѣднихъ уѣздахъ много сѣютъ конопля: начинающая отъ Кромскаго уѣзда, конопля сѣютъ не только на огородѣ, но и въ поляхъ, разумѣется, удобренныхъ подъ коноплянникъ; а поэтому въ Погарѣ главная торговля пенькой и въ особенности коноплянымъ масломъ. Мнѣ говорили, что пять-шесть здѣшнихъ купцовъ, главныхъ купцовъ, отправляютъ отсюда до 15.000 берковцевъ чистой пеньки. Эти купцы, скупая пеньку нечищеную, нанимаютъ трепачей ⁽²⁾, т. е. работниковъ пеньку трепать — чистить, большею частію, какъ мнѣ говорили, изъ русскихъ и преимущественно изъ Орловской и Калужской губерній. Нанимаются ли они артелями, или всегда по-одиночкѣ, я утвердительно сказать не могу; но мнѣ кажется, что между трепачами артелей нѣтъ: всякій получаетъ плату отъ пуда очищенной пеньки, лично самимъ заработанную плату, или заработанную цѣлою семьей. Главный промыселъ здѣшнихъ жителей — маслобойни, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, олейны: олейнъ здѣсь въ городѣ болѣе ста, на которыхъ быютъ преимущественно шапочный олей, т. е. конопляное масло, а не кошелевый: продавливаютъ масло изъ конопля чрезъ мѣшокъ или колпакъ, сдѣланный изъ шерсти, а не изъ лыкъ, отчего и олей бываетъ лучше; поз-

⁽¹⁾ Не знаю, цѣла ли эта грамота, но, вѣроятно, здѣсь идетъ дѣло о грамотѣ, которою царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ городу магдебургскія права.

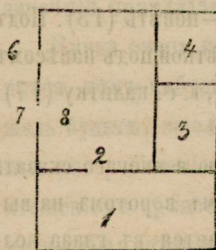
⁽²⁾ По 80 коп. ассигнац. отъ пуда. Хорошій работникъ можетъ перечистить до 5 пудовъ пеньки въ день.

тому погарскій олей, говорятъ, извѣстенъ по всей Малороссіи и даже, прибавилъ рассказчикъ, въ Кіевѣ. Сколько выдѣлываютъ здѣсь олею, я узнать не могъ; но судя потому, что въ Погарѣ и въ окрестныхъ деревняхъ всю зиму по большей части работаютъ однѣ только бочки для олея, вывозимаго изъ одного Погара, то должно предполагать, что выдѣлывается значительное количество. И не одинъ Погаръ занимается маслوبيнами, а и по деревнямъ ихъ здѣсь много; мнѣ говорили, что въ Стародубскомъ уѣздѣ есть даже паровыя маслوبيны.

Я зашелъ къ С. А. Мефедову; онъ занимается собраніемъ пѣсень, какъ текстовъ, такъ и голосовъ, и потому не удивительно, что онъ близко принимаетъ къ сердцу цѣль моихъ походовъ, и всячески хотѣлъ помочь мнѣ въ моихъ разспросахъ. А какъ онъ самъ уроженецъ Погара, то онъ зналъ, кого спросить, а въ повѣркѣ собранныхъ много свѣдѣній, онъ для меня не могъ быть никѣмъ замѣнимъ.

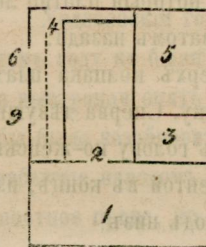
Преподобный Несторъ говоритъ, что въ Россіи жили разныя племена. Мнѣ кажется, что, внимательно изучая бытъ нашего народа, и теперь можно указать на границы поселеній разныхъ племенъ. Но для этого надобно обращать вниманіе на все: на пѣсни, повѣрья и въ особенности на обряды, архитектуру домовъ и расположеніе дворовъ и одежду. Какъ ни просто устройство нашей деревенской избы, но въ разныхъ мѣстахъ — разныя и избы. На первый разъ покажу вамъ два плана: одинъ — избы Малоархангельскаго уѣзда, другой — Стародубскаго.

Черт. 1.

1. Стѣны.
 2. Двери въ избу.
 3. Полъ въ $\frac{1}{2}$ аршина или вершковъ 10.
 4. Печь.
 5. Волоковое окно.
 - 6 и 7. Красныя окна.
 8. Передній уголъ.
- Кругомъ лавки; кромѣ лавокъ, подвижныя скамьи — услоны.

Черт. 2.

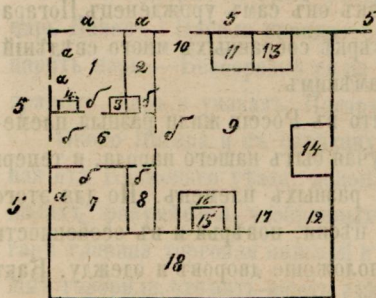

1. Стѣны.
2. Двери въ избу.
3. Печь.
4. Кутъ, т. е. передній уголъ.
5. Полъ, помость, возвышающійся отъ земли четвертей на пять.
- 6 и 7. Окна, по-русски красныя или косячатая.
8. Окно полное безъ стекла, по-русски волоковое.
9. Полное окно со стекломъ, волоковое.

Въ Малоархангельскомъ, Ливенскомъ уѣздахъ и вообще къ Рязани и Воронежу, деревни строятся большею частію въ одну линію; старой постройки избы, кажется, обыкновенно стояли во дворѣ, а теперешней — на улицу чаще; во всякомъ случаѣ — въ одну линію: ежели не избами, то дворами; начиная, кажется, съ Никольскаго, Орловскаго уѣзда, деревни стоятъ ломаной линіей; между двумя избами небольшая площадка: на одной сторонѣ ворота въ дворъ, а въ глубинѣ этой площадки ворота на задворокъ, гдѣ сѣно, сохи, бороны. Къ Рязани же и къ Воронежу задворки стоятъ противъ избы, черезъ улицу.

Теперь приложу планъ двора и дома богатаго жителя Погара.

Черт. 3.

Домъ стоитъ на углѣ улицы (5); вы выходите съ улицы въ сѣнцы (6), изъ которыхъ одна дверь (6) ведетъ въ свѣтлицу (1), другая въ свѣтёлку (2), третья въ пекарню (7), четвертая въ пристѣнокъ (8), пятая на улицу (5) и шестая во дворъ (9); въ свѣтлицѣ три окна (а), въ свѣтѣлкѣ и кухнѣ по одному (а). Печь (3) стоитъ между дверьми, ведущими въ свѣтлицу и

свѣтелку. Войдя въ свѣтлицу, по одну руку у васъ стоитъ печь (3), по другую судникъ — шкафъ съ посудой. Со двора на улицу ходъ въ ворота (10), около воротъ клѣтъ (11), которая иногда называется хижо и чаще строится въ глубинѣ двора (12). Рядомъ съ клѣткою — повѣтъ (13). Подъ повѣткою дровы, сѣнникъ (14), погребъ (15) съ повѣткой подъ навѣсомъ (16) около другихъ сторонъ двора; черезъ форточку, т. е. калитку (17), ходъ въ садокъ (18).

Теперь перечислю названіе одежды. Про мужскую я многого сказать не могу: свитка, козухъ и бѣлая рубашка съ прямымъ воротомъ на выпускъ, т. е. сверхъ штановъ; въ деревняхъ бросается въ глаза колпакъ, т. е. шапка изъ войлока, очень похожая на круглыя шляпы гречниковъ, только съ полями пальца въ три шириною, которыя плотно лежать къ тулѣ; да изрѣдка зипунъ: свита съ перехватомъ назадъ.

Женщины въ Погарѣ повязываютъ голову поверхъ колпака платкомъ; эта повязка очень напоминаетъ козацкую шапку. Сперва дѣвушки носили одну кладочку, теперь же часто повязываютъ голову по-женски, выпуская только сзади или косу во всю длину съ лентой въ концѣ, или складываютъ вдвое; концы волосъ подкладываютъ подъ низъ,

Какъ женщины, такъ и дѣвушки, носятъ: юбку, которую здѣсь называютъ сподницею, или саянъ, кабатъ-сарафанъ, кохту, шумунъ. Панёвъ въ городѣ не видалъ, въ деревняхъ же носятъ паневы больше *круглыя*, т. е. сшитыя.

У всякой женщины и у всякой дѣвушки есть свои собственные *скрины* и *кублы* съ замками, гдѣ онѣ сохраняютъ имъ принадлежащія вещи — наряды, холсты и проч. Скрыня — это сундукъ, а кубла или купель — ушатъ съ крышкой, которая закладывается брускомъ, продѣтымъ сквозь ручки ушата, и поедѣ запирается замкомъ.

Ничто въ настоящее время такъ быстро не теряется, какъ старинный костюмъ: что носилось обыкновенно лѣтъ десять назадъ, то теперь сдѣлалось вещью, нужною только для кабинета антикварія. Мнѣ хотѣлось достать для русскаго географическаго общества однодворческій костюмъ Малоархангельскаго уѣзда, и, не смотря на все мое стараніе, поваго всего костюма я достать не могъ. Даже заказать теперь некому: мастера перевелись; и я долженъ былъ довольствоваться подержанными, поношенными вещами.

О головныхъ уборахъ должно сказать тоже: кички быстро уничтожаются, а дѣвушки.... Я вспомнилъ слова одной однодворки-дѣвушки въ Малоархангельскомъ уѣздѣ; она говорила: «На праздникъ-то и мы принарядимся: мы, дѣвушки, волосы въ плетеночки заплетемъ и косу корзиночкой прикладаемъ; ну, а дамамъ этого нельзя.»

Кичка очень неудобна: я не пожалѣю, если она повсемѣстно замѣнится чѣмъ-нибудь... только не плетеночками, не корзинкой.... А жаль будетъ, ежели въ настоящее время не будутъ описаны всѣ костюмы, употребляемые Русскими. Да и многое скоро пропадаетъ: съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, распространится грамотность, а съ грамотностію потеряютъ святость прадѣдовскіе обычаи и забудутся народомъ....

Ходаковский говевалъ, что послѣ московскаго пожара въ двѣнадцатомъ году не были возстановлены въ Москвѣ доисторическія городища, а выстроили опять городъ Москву. Городища, можетъ-быть, и можно бы было возобновить, разрушивши Москву; а старые обычаи, повѣрья, забытые народомъ, нельзя возстановить, хоть бы снова воскресло крѣпостное право, по желанію немногихъ....

Сказавши нѣсколько словъ объ жильѣ, одеждѣ Погарцевъ, надо сказать и объ ихъ языкѣ; не бравши на себя обязанности составлять грамматику ихъ говора, приведу лучше нѣсколько пѣсень, съ удержаніемъ выговора.

1. *Пѣсня, когда спютъ конопли.*

Старенькій дѣдка
Па горыду ходя
И арѣ и скародя,
Канпельки сѣя.
Мыладая (*) малодка
У воротъ стояла,
Гылубовъ зманила:
Гуля, гуля, галубчикъ,
На дѣдовы канопли!
Штобъ мнѣ мыладѣ
Кынапель ни брати,
И пасканней не мяти!

2. *Жнивная, поется когда идутъ вечеромъ съ жнива домой.*

У поле идутъ,
Икѣ (какъ) пчолачки гудуть;
А зѣ поля идутъ,
Пѣсенки пають!
Дѣвки маладыя,
Серпы стальныя!
Станавите стагы дубавыя,
Наливайтя кубкі медовыя...

3. *Поется на масляной.*

Надъ нашимъ, надъ горадымъ Погарамъ
Стояли, святили мѣсички чатыри,
Стояли, святили зорички чатыри:
Молодому Самсоньку — красная Марьичка,
Красный Софьюшки — мыладой Иванька!

Самсонько, Марьичка, Софьюшка, Иванъ — имена случайныя: кого величаютъ, тѣхъ имена и поють.

(*) Молодая, молодка я не умѣю написать совершенно такъ, какъ произносится: Молодая произносится почти какъ мыладая, а молодка — почти какъ малодка.

4. Хороводная.

Заплитайся, плетень, заплитайся!
 Завивайся, труба залатая!
 Заверни, кумка красатая!
 Охъ сирь скраводничакъ!
 Патапивъ малыхъ дѣточекъ,
 Да не въ сирь, да не въ масличко,
 У сахорное яблачко!...

Разплетайся, плетень, разплетайся!
 Развивайся, труба залатая!
 Разверни, кумка залатая!
 Охъ сирь скраводничакъ!
 Патапивъ малыхъ дѣточекъ
 Да не въ сирь, да не въ масличко,
 У сахорное яблачко....

При первомъ куплетѣ этой пѣсни всѣ играющіе заплетаются въ плетень, а при второмъ — разплетаются.

5. Хороводная.

Карагодъ великъ, улица мала,
 Нѣкуды вѣтру прохолодати,
 Жаркому сонцу разгулятися,
 Буйному вѣтру разшататися;
 А усѣ за бабами, усѣ за старыми.
 Мрится вы, бабы, мрится вы, старыя.
 Па три, па чатыри,
 Па семира въ яму,
 У вадну суботу,
 Штобъ была безъ клапоту.
 Карагодъ великъ, улица мала;
 Нѣкуды вѣтру прохолодати,
 Жаркому сонцу разгулятися,
 Буйному вѣтру разшататися,
 А усѣ за дѣвками, все за красными!
 Идята вы, дѣвки, идята вы, красныя,
 Па три, па чатыри,
 Па семира замужъ
 У вадну видѣлю,
 Штобъ люди глядѣли,—
 У вадинъ таночникъ,
 Надъ адинъ вяночокъ!

Подъ эту пѣсню играющіе бѣгаютъ попарно по улицѣ; передняя пара дѣлаетъ ворота: возмутея рука за руку, и въ эти ворота всѣ про-

бѣгаютъ; поэтому этотъ хороводъ называютъ «бѣгучимъ», или по-здѣшнему — *бѣгучимъ*.

6. Хороводная.

Ты чували, ты видали
Маю жену Танку?

»Не чували, не видали
Твою жану Танку!«

А хоть жа вы не чували, не видали,
Дакъ я самъ бачивъ.

»Хоть жа ты и бачивъ,
Да мы табѣ не дадимъ.«

А я каши наварю,
Сваю жану вазьму.

»А мы кашу паядимъ,
Табѣ жаны ни дадимъ.«

Я пироговъ напеку,
Сваю жану вазьму.

»Мы пироги паядимъ,
Табѣ жаны не дадимъ!«

А я пива наварю,
Сваю жану вазьму!

»А мы пиво попьемъ, (¹)
Табѣ жаны не дадимъ!«

А я камень подиущу,
Сваю жану вазьму.

»А мы камень перебьемъ,
Табѣ жаны не дадимъ.«

А я стрѣлу подиущу,
Сваю жану вазьму.

»А мы стрѣлу переломимъ,
Табѣ жаны не дадимъ.«

А я перстень подиущу,
Сваю жану вазьму.

»Мы перстень на ручку,
Твою жану якъ сучку!

Гей, жена, да дому:

Дѣти кричать,
Бѣсти хочуть.

А на полицы
Три паляницы,

То имъ дай,

То имъ дай.

Наѣввы пѣсенъ есть и малороссійскіе, есть и великорусскіе. С. А. Методовъ для меня записалъ нѣсколько наѣввовъ.

(¹) Попьемъ, а не пашьемъ.

— Не осталось ли какихъ памятниковъ владычества Литвы въ Погарѣ? спрашивалъ я здѣсь одного горожанина.

— Николаевская церковь была сперва костеломъ, а теперь она перестроена на православную.

— Остались въ этой церкви какія-нибудь книги, образа изъ стараго костела?

— Нѣтъ, кажется; тамъ только остался Галецкій, который тамъ похороненъ.

— Кто такой этотъ Галецкій?

— Галецкій былъ большой воинъ. Я учился у дьякона, онъ тогда еще былъ дьякомъ... мы тогда мели церковь... дьячекъ и уронилъ въ церкви гривенникъ; гривенникъ покатился, да подъ полъ; подняли мостовину и вынули гривенникъ. Такъ я самъ въ ту пору видѣлъ склепъ, гдѣ лежитъ Галецкій. Тутъ же нашли образъ святителя Николая; образокъ небольшой, вершка въ полтора, а вмѣсто рамки—мѣдной блять въ полъ-аршина.

— А грамотъ никакихъ не осталось?

— Говорятъ, есть грамота царя Алексея Михайловича. Царь той грамотой пожаловалъ Погаръ на вѣки вѣчные быть городомъ.

— Гдѣ былъ сперва городъ?

— Главный городъ сперва былъ на Замковой горѣ; тамъ сперва и замокъ стоялъ.

Замковая гора у самой Судогости, очень крута, и на нее взлѣзть можно только въ одномъ мѣстѣ, и то, какъ мнѣ говорили, здѣсь сдѣлана насыпь, а сперва былъ подъемный мостъ. Эта гора имѣетъ видъ урѣзаннаго конуса. Вершина горы — заросшая всякою дрянью площадь въ нѣсколько сажень, и на ней теперь одна только яма: стоявшіе здѣсь войска построили себѣ манежъ, который, выходя изъ города, разорили.

— А кладовъ здѣсь близко не находили?

— Близко не находили, отвѣчала бывшая здѣсь хозяйка, — а вотъ скаываютъ, какое было дѣло: стоялъ столбъ, и все знали, что тутъ кладъ лежитъ; и кто-кто ни-приходилъ къ этому столбу отрывать клада! весь столбъ подкопали кругомъ, такъ что весь столбъ подбили, чуть-чуть и столбъ-то держался: а все клада того никто достать не могъ. Разъ у того столба пасъ малецъ ⁽¹⁾ монастырскій товаръ ⁽²⁾. »Говорятъ, здѣсь

⁽¹⁾ Мальчикъ. — ⁽²⁾ Скотопромышленники рогатый скотъ называютъ товаромъ.

кладъ лежитъ, думаетъ малецъ, семь-ко я попытаюсь!... Солнце было совсѣмъ на закатѣ, малецъ и началъ копать у самой головы (1) — что отъ столба тѣнь. Копнулъ разъ, другой — жерновный камень!.. малецъ копать еще — золото!..

— А здѣсь кладовъ не находили?

— Нѣтъ, разъ копали подъ фундаментомъ, такъ нашли много платяа когда рыли, отвѣчала хозяйка.

— Какое же платье?

— Фартушки разные....

— Еще разъ тоже рыли, напали на могилу, прибавилъ нашъ собесѣдникъ: такъ въ могилѣ нашли водку; и водка та была желтая, — сперва хоронили всѣхъ покойниковъ съ водкой.

— Въ гробъ клали водку?

— Не знаю, ти въ гробъ клали водку, ти такъ въ могилу. Не могу того вѣрно сказать.

Послѣ какъ-то мы договорились до братщины, которыя теперь въ Погарѣ уничтожились.

— Какъ же вы собирали братщину? Кто ее собиралъ? спросилъ я.

— Да кому придется, тотъ ее и собиралъ; сперва собиралъ ее церковный староста, а какъ я былъ церковный староста, такъ я не сталъ собирать самъ, а отдавалъ другимъ.

— Отчего же?

— Да такъ: пьянства много, а церкви прибыли нѣтъ: только и барыши, что попу да конторѣ.

— Какой конторѣ?

— Откупщику: водку покупали у откупщика: нашъ городъ былъ на откупу.

— А попу какой же былъ барышъ?

— Попу съ самого начала надо нести квартиру водки святить; ну, и несутъ попу квартиру водки да платокъ.

— Какъ же собирали братщину, когда?

— У кого престольный праздникъ, тѣ и собираютъ братщину. Самые простые люди ходили по дворамъ, выпрашивали по гривнѣ, а у богатыхъ — сколько дастъ; деньги отдавали церковному старостѣ. Тотъ покупалъ водки, постѣнки (2), всего, что надо... Спросятся у откупщика,

(1) При концѣ тѣни. — (2) Соты меду.

наварять мёду, а воскъ что выйдет — сдѣлають свѣчу въ церковь... накупить всего, а остальные деньги, что отъ покупки останется, тоже на церковь... Придетъ праздникъ, — ну, всё собираются и пьютъ.

— А изъ другого прихода могли приходить?

— Всё могли.

— А женщины?

— И бабы ходили.

— А кто не давалъ денегъ въ братщину?

— Кто тамъ разбирать станеть? Всё, кто хочеть—приходи и пей, сколько хочешь!... Только тамъ на братщинѣ собирались самые простые, а другіе не ходили....

— Считалось неприличнымъ?

— Пьянство было большое!... А тамъ еще на другой, на третій день стануть свѣчу пропивать!...

— Какъ свѣчу пропивать?

— Купить постѣника, стануть варить медъ, останется воскъ; изъ того воску сдѣлають свѣчу. Кто нонче собиралъ братщину и если не хочеть на будущій годъ собирать, тотъ отдаетъ свѣчу тому, кто будетъ на будущій годъ; и свѣчу эту несутъ всё, передають охотнику и придають денегъ сколько-нибудь. Ну, и опять пьянство!...

— Гдѣ же собирались братщины?

— Да у кого-нибудь, а больше по братскимъ домамъ.

— А у васъ были братскіе дома?

— И теперь есть; а сперва у всёхъ были, у швецовъ свой, а у кузнецовъ свой; ну, а теперь одинъ только у швецовъ.

— Большой домъ?

— Нѣтъ, такъ хатка: имъ давали за ихъ братскій домъ тридцать-пять рублей серебромъ только.

— А когда была у васъ послѣдняя братщина?

— Да лѣтъ десять назадъ, а можетъ быть и пятнадцать лѣтъ будетъ, какъ перестали.

— Отчего жъ теперь перестали?

— Да тутъ откупа пошли; сперва водка у насъ была дешевая, а тутъ пошли откупа, водка вздорожала, братщину тѣми деньгами, что сперва обходились, ужъ и не справишься.

— Теперь опять водка подешевѣла?

— Подешевѣла, да всё не прежняя цѣна, да и кому собрать братщину? Не для чего!

28 іюня. Стародубъ.

— Здорово, почтенный! Не проходили здѣсь два молодца? спросилъ меня погарскій мѣщанинъ, когда я, выходя рано поутру изъ Погара, закуривалъ папирску.

— Не замѣтилъ, почтенный.

— Вѣрно, прошли: забѣгаль въ кузницы—тамъ ихъ нѣтъ... да въ шинкѣ подождутъ.

— А вы куда собрались?

— Идемъ въ Гриневъ: садъ хотимъ скупить.

— Что, какъ нонче сады?

— Плохи, очень плохи! За садъ въ прежніе годы платили 500 р. сер., а нонче за тотъ садъ не знаешь, какъ дать и сто; весна была очень для садовъ дурна: морозы были.

— Много здѣсь садовъ?

— Было много; теперь только стали сады падать: тѣхъ доходовъ отъ садовъ нѣтъ. Бывало, наши погаровцы яблоки возили въ самую Москву; а теперь изъ нашихъ мѣсть въ Москву ни одного яблока не возять: весь яблокъ въ Москвѣ курскій, а нашъ яблокъ здѣсь по нашимъ мѣстамъ весь расходится: дальше ему ходу нѣтъ.

— Отчего же вы перестали возить въ Москву ваши яблоки? Вѣрно, не выгодно?

— Какое невыгодно! Выгодно, да та бѣда, что народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ; въ Москву-то и ѣздить стало не кому.

— А, можетъ, есть и другая какая причина, сказалъ я;—но отчего же народъ въ Погарѣ обѣднѣлъ?

— Какъ въ наши времена, другъ, мѣщанину не обѣднѣть?

— Отчего же мѣщанину? Придутъ плохіе времена — и мужикъ, и баринъ, также какъ и мѣщанинъ, обѣднѣтъ...

— Какъ можно мужика съ мѣщаниномъ сравнить! Мужикъ разорится, коли бѣда какая надъ нимъ стрясется; а пройдетъ бѣда, мужику опять справиться можно; а мѣщанинъ безъ всякой бѣды на разоръ идетъ. Мужикъ что? у мужика земля своя есть, и съ податями справиться можно; пришелъ хлѣбу недородъ — разорился; опять таки есть къ чему руки приложить: къ той же землѣ. А мѣщанину гдѣ взять? что у мѣщанина есть? А съ мѣщанина податей больше собирается: съ нашего брата берутъ и подушныя, и городскія, и квартирныя и земскія сборы... и

солдатъ къ тебѣ во дворъ ставить, а мало-мальски хата у тебя хороша—офицера поставятъ. Да еще вотъ что тебѣ скажу: чѣмъ ты податями справишъ, тѣмъ для тебя хуже: ты платишь исправно подати за себя, а я и совѣтъ не плачу; ты за меня и плати: мою душу на тебя положить; твою жъ справку передъ казной тебѣ жъ въ вину ставить!... Не слыхалъ ты, любезный, у насъ болтаетъ народъ, что эти порядки скоро у насъ переменяются?

— Нѣтъ, любезный, не слыхалъ.

— А дай-то Господи! А по всему видно, что старымъ порядкамъ не жить долго.

Около обѣдовъ я пришелъ въ Гриневъ, и первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ этомъ хорошенькомъ мѣстечкѣ, это мужикъ, бѣдно одѣтый, стоявшій безъ шапки передъ какимъ-то лакеемъ или дворовымъ въ кэртузѣ, сертукѣ, но безъ сапогъ. Мужикъ объ чемъ-то просилъ лакея, низко ему кланялся, и тотъ по видимому начиналъ было уже соглашаться на его просьбу; но, на бѣду мужика, прошла мимо какая-то дѣвка, лакей хлопнулъ ее около спины; дѣвка засмѣялась...

— Послѣ! крикнулъ лакей мужику и пошелъ съ дѣвкой.

— Паночку!.. просилъ мужикъ.

— Сказано послѣ, такъ и послѣ! прокричалъ на ходу лакей, не оставиваясь.

Мужикъ постоялъ нѣсколько, постоялъ, развелъ руками и тоже пошелъ куда-то.

— Гдѣ, братъ, пообѣдать? спросилъ я его.

— Ступай въ шинокъ.

— А шинокъ гдѣ?

Мужикъ только рукой махнулъ: вѣроятно, ему было не до разговоровъ.

Въ шинкѣ меня встрѣтила Жидовка въ нѣмецкомъ платьѣ, до-нельзя замасленномъ чепцѣ, и до невозможности взъерошенномъ рыжемъ парикѣ.

— Что тебѣ надо? крикнула она на меня не совѣтъ ласково, подвигаясь къ загородкѣ, за которой стояла водка.

— Нельзя ли, хозяйка, сдѣлать у васъ яичницу? спросилъ я ее вмѣсто отвѣта.

— Отчего же? можно! проговорила она совершенно другимъ голосомъ. — Пожалуй сюда, здѣсь лучше... Только мужики сидятъ...

— Почему жъ вы думаете, что я не мужикъ?

— Какъ же можно! Вы яичницу спрашиваете: стало быть не простой человекъ!

Хозяйка юркнула, только мелькнули развивавшіяся на полъ-аршина сзади ленты, теперь неизвѣстно какого цвѣта, но смолodu, вѣроятно, бывшія желтаго; а я вошелъ въ указанную мнѣ комнату, въ которой принимаются не простые люди. Тамъ я нашелъ тоже не простого человека—мѣщанина.

— Здравствуйте, почтенный! сказалъ я ему, войдя въ комнату и сядя на лавку.

— Здравствуйте, любезный! Откулича путь держите?

— Иду изъ Погара въ Стародубъ.

— Такъ-съ! А по какимъ такимъ дѣламъ-съ занимаетесь?

— Такъ, по своимъ дѣламъ.

— Вы не живописецъ? Такъ, можетъ, живописью изволите заниматься-съ?

— Да. А васъ откуда Богъ несетъ?

— Мы торгуемъ краснымъ товаромъ.

— По господамъ ѣздите?

— Нѣтъ-съ, больше по мужикамъ.

— Вы съ коробкой ходите?

— Нѣтъ-съ, какъ можно съ коробкой ходить! Мы на лошади, у насъ лошадь есть!... Это такъ какой-нибудь, тотъ точно можетъ ходить пѣшкомъ съ коробкой!..

Въ этомъ шинкѣ такимъ образомъ я получилъ два урока, какъ узнать простого человека отъ непростого: кто требуетъ яичницу, тотъ не простой; кто ѣдетъ на лошади, тотъ тоже не простой.

— Почему же вы по господамъ не ѣздите? спросилъ я разносчика.

— Отъ господъ можно пользу получать, часомъ и хорошую пользу; ну, а съ мужичка лучше.

— Да отчего же?

— Какъ-съ можно мужика смѣшать съ бариномъ! съ бариномъ того не возьмешь, что съ мужика!

— Съ мужика больше?

— Какъ можно-съ! Барину я отдамъ платокъ какой за тридцать серебра: больше не выпросишь; а съ мужика я меньше сорока-пяти за тотъ же платокъ и не возьму! Ато и полтину дастъ!...

— Сколько же вы берете барыша на рубль?

— Этого сказать нельзя: мы такъ никогда и не считаемъ, да и считать того дѣло невозможное!

— Какъ же вы цѣну назначаете?

— А такъ, на это у насъ своя привычка есть; безъ привычки и торговать нельзя!

— На сколько жъ вы въ день продаете?

— А это, сколько Богъ дастъ: иной день на семь цѣлковыхъ; ато Богъ поможетъ — и на десять продашь. Это я рассказываю про эту пору, про лѣтнюю; а зимой лучше: зимой продашь и на двадцать-пять, и на тридцать серебромъ случается.

— А сколько жъ вы на себя въ день прохарчите? На себя и на лошадь?

— Это тоже не ровно: иной день рубль серебра, иной полегче выйдетъ денёкъ — и семью гривнами отдѣлаешься... А придется, выпьешь, съ уемѣшкой прибавилъ онъ, выпьешь — и рубля мало!...

— Такъ ежели вы продадите въ день на семь рублей, въ тотъ день вамъ убытокъ?

— Какъ можно въ убытокъ торговать!...

— Да ежели вы много на себя изтратите?

— Такъ что жъ-съ? Сколько ни изтратилъ, все на товаръ разлагаемъ.

— Сколько бъ ни изтратили?

— Сколько ни изтратишь на себя, сколько отошлешь домой: въѣлъ дома жена, дѣти, имъ то же пить-ѣсть надо, домой имъ тоже посылаешь; все на товаръ и разкладываешь.

— Такъ считая, вы берете очень большой процентъ?

— Какой большой!

— Какъ же, продадите на семь рублей...

— Да что же, что на семь-съ? Вы извольте положить: товаръ чего стоитъ; ну положимъ, хотъ товаръ хозяину стоитъ четыре рубли, ато и всё пять; да лошадь прокормить да на себя изтратишь... такъ и выйдетъ, что барышъ самый пустой: какой-нибудь рубль серебра останется... Да когда бъ все на деньги продавали, а то всё-мъ беремъ: и яйцами и перевеслами... правда и то — продаемъ съ барышомъ...

— А вы гдѣ берете товаръ?

— Да такъ, по городамъ.

— Не на фабрикахъ?

— Колибъ на фабрикъ взять товаръ-съ, я вамъ скажу: безпремѣнно

было бѣ выгодноѣй, да только намѣ на фабрику къ самому фабриканту и ходу нѣтъ!...

— Это же почему?

— А потому: первое дѣло — какой такой у насѣ товаръ есть? Товару у насѣ есть у кого на сто, у кого много-много на полтора-ста рублей... положимъ хоть на всѣ двѣсти, такъ изза такой бездѣлицы ѣхать на фабрику за 500 верстѣ и не стоитъ! Это-сѣ первое дѣло; теперь другое: мы по городамъ кредитъ имѣемъ, такъ въ кредитъ товаръ и беремъ.

— На много берете товару?

— Сколько нужно, столько и возьмемъ-сѣ; намѣ вѣрютъ-сѣ; а для того намѣ вѣрютъ, что мы сами свои дѣла аккуратно ведемъ. Всякій хозяинъ аккуратно любить-сѣ. Возьму я у хозяина товаръ въ долгъ; продамъ тотъ-сѣ товаръ, сколько слѣдуетъ хозяину — деньги отдамъ; такъ мнѣ хозяинъ-то послѣ того на сколько хочешь повѣрить....

— Ну однако, на сколько же?

— Да вотъ хоть я: послѣдній разъ отдалъ хозяину тридцать рублей, а товару взялъ на пятьдесятъ рублей.

— И каждый разъ вы за товаромъ сами ѣздите къ вашему хозяину въ городъ?

— Какъ можно! хозяинъ самъ выѣзжаетъ съ товаромъ, или высылаетъ съ кѣмъ.

— Такъ и хозяинъ вашъ беретъ само по себѣ барышъ съ этого товара?

— А то какъ же? беретъ!

— Ну, а хозяину вашему много барыша отъ вашего товара очисчается?

— А кто его знаетъ! Намѣ про это никакъ-сѣ невозможно и узнать-то! Только теперь барыши пошли не прежніе!

— Давно жѣ стало барышей меньше?

— А вотъ съ самого указа объ волѣ.

— Это жѣ отчего?

— Отчего! Сперва народъ зануженный; другой во весь вѣкъ-то въ деревнѣ просидѣлъ за барской работой; а какъ вышла воля, — имъ и повольготнѣе стало, отпустило имъ-то; то тотъ, то тотъ въ городъ съѣздитъ, продастъ что, да въ городѣ, что нужно изнашего товару, въ городѣ и купить.

— У васѣ стали меньше покупать?

— Цѣтъ, и у насъ стали больше покушать.

— Отчего же у васъ барышей меньше? спросилъ я, понимая, въ чемъ дѣло.

— Мужики стали цѣну разбирать... больше въ цѣнѣ толку знать.

— Неужели же такъ скоро и цѣну узнали товарамъ? кажется, еще недавно и указъ объ волѣ вышелъ?

— Цѣны-то настоящей они хоть не узнали, да все въ городѣ берутъ по городской цѣнѣ. Ато другіе мужики берутъ товаръ, сами продаютъ... ну, да это, Богъ дастъ, не надолго!...

— Почему же не надолго?

— Просить будемъ, чтобъ мужикамъ запретить торговать, а чтобъ торговать однимъ мѣщанамъ.

— Ну, а какъ васъ не послушаютъ?

— Послушаютъ безпрѣмѣнно: въ Орлѣ сходка объ этомъ была: на сходкѣ и порѣшили: просить, чтобъ мужикамъ запретили торговать, а нитались бы они своей землей.

— Ежели же и сходки вашей не послушаютъ, тогда же что?

— Какъ сходки не послушаютъ! Мужики и теперь отъ насъ, отъ мѣщанъ, прячутся.

— Чтѣ жъ имъ прятаться?

— Какъ что? а поймалъ да къ становому!...

— Ну, а становой что?

— Становой чтѣ хочетъ, то и сдѣлаетъ... и ничего не сдѣлаетъ, да мужику-то къ становому въ гости не хочется....

Привычнѣе къ гонѣбѣ хозяйка-Жидовка, пока мы толковали, приготовила мнѣ пообѣдать. Не успѣлъ я съѣсть своей яичницы, какъ вошелъ ко мнѣ сперва Жидъ-шинкарь, потомъ хозяйка съ дочкой или невѣсткой, замужней Жидовкой лѣтъ 12 — 13. Хозяинъ обратился ко мнѣ съ просьбой списать портретъ со всего его семейства. Я отговорился отъ этой чести; но настоящимъ, заправскимъ живописцамъ хорошо бы было нарисовать молодую Жидовку для патологическаго кабинета: такого изнеможеннаго лица, такого неподвижно-тупого взгляда, такой видимой вонючести во всемъ — не скоро встрѣтишь, развѣ только вы еще увидите мальчика монастырскаго служку. Говорятъ, что у Жидовъ это происходитъ отъ ранняго брака; у монастырскихъ служекъ, вѣроятно, отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Изъ Гринева въ попутчики мнѣ Богъ послалъ стараго козака ры-

бака, который гдѣ-то здѣсь взялъ на откупъ озеро, какъ онъ называетъ, или прудъ по-нашему.

— У насъ все называютъ озеромъ, говорилъ козакъ; — въ другихъ мѣстахъ называютъ прудомъ, ато ставомъ; а у насъ все зовутъ озеромъ; только въ бумагахъ писать не позволено — озеро, а пиши — прудъ. Тутъ дѣло было по судамъ. Одинъ говоритъ: тотъ-то, такой-то завладѣлъ моимъ озеромъ. А другой пишетъ: что озера никакого тутъ нѣтъ, да и не было никогда. Пріѣхалъ судъ, суду денегъ отсыпали, судъ и говоритъ, что тотъ-то, чей прудъ, виновать, пустова просить: никакого озера тутъ нѣтъ, да такого озера никогда и не было!..

Въ это время небольшая змѣйка, испуганная нами, быстро переползла съ дороги на лугъ.

— Э! кажись гадюка-то ползучая! крикнулъ мой старшій козакъ.

— Какая ползучая?

— Видишь: гадюка-то ползаетъ.

— Кажется, всѣ гадюки ползаютъ?

— Нѣтъ, есть, что и не ползаютъ, отвѣчалъ козакъ. Ты знаешь, сколько стай ихъ бываетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Гадюка шести стай бываетъ: стая гаевая, стая гноевая, еще ползучая, летучая; еще подколотная да серёновая.

— И ты всѣ стай видалъ?

— Нѣтъ не всѣ; а летучую видѣлъ.

— Какая же летучая гадюка?

— Летучая гадюка все равно, какъ щука, только съ крылушками съ красными.

— Гдѣ же ты видѣлъ летучую гадюку?

— А это иду разъ я лѣсомъ, а летучая гадюка и летитъ: сама какъ щука, крылья красныя, какъ бумажныя, и языкъ высунула, какъ коньё красное.... Такая страшная, что не приведи, Господи!

— А серёновая какая?

— Серёновой я самъ не видалъ; серёновая гадюка больше бываетъ, какъ серень покажется.

— Какой серень?

— Серень по-нашему называется: великимъ постомъ бываетъ снѣгъ, сверху днемъ разстаетъ, а ночью опять замерзнетъ; вотъ это по-нашему и называется — серень.

— Какъ же узнать серёновую гадюку?

— Серёновую-то? Тутъ какъ не узнать! Съ серёновой гадюкой не дай Богъ и встрѣтиться!

— Отчего же?

— Самая страшная гадюка эта серёновая: по серену ползетъ — серень таетъ, по травѣ ползетъ — трава горитъ!... Коли тебя увидитъ серёновая гадюка, отъ той не убѣжишь!...

— Ну, а кто-нибудь видалъ серёновую гадюку? спросилъ я.

— Какъ, чай, не видать! Никто бы не видалъ ту гадюку, никто бы и не зналъ, что она на свѣтѣ есть!...

— Какихъ же гадюкъ у васъ больше?

— Летучую я только разъ всего видѣлъ, серёновой — совѣмъ не видалъ; а другихъ видишь зачастую.

— Какую же чаще?

— А тѣ все равно: то самъ увидишь, то услышишь: тамъ скотину попортила, а тамъ человѣка укусила.

— А случалось, что отъ гадюки люди или скотъ умирали?

— Нѣтъ, я не видалъ самъ, а какъ, чай, не бывать? Да и люди говорятъ, что бывало.

— Отчего же у васъ никто не умиралъ отъ гадюки?

— Мы лечимся: сей-часъ, какъ укуситъ гадюка, сейчасъ и бѣжишь ти къ знахору, ти къ знахоркѣ, — тѣ и лечуть.

— Много у васъ знахорей?

— Безъ нихъ бы совѣмъ пропали: городской лекаръ не вылечитъ.

— Знахори чѣмъ же лечуть?

— Знахори больше наговариваютъ, ато и лекарства у нихъ свои бывають.

— Ты не знаешь этихъ лекарствъ?

— Одно лекарство у нихъ у всѣхъ: надо найти три свѣжихъ могилы, взять земли съ тѣхъ могилъ, прикладывать — дѣлаетъ пользу... только безъ наговору мало помогаетъ и могильная земля.

— А ты не знаешь наговоровъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А видалъ, какъ лечуть?

— Какъ не видать! Укуситъ гадюка, опухъ пойдетъ; знахоръ поставитъ тебя противъ себѣ, да и станетъ отчитывать, — опухъ и пройдетъ. Только не всякій знахоръ всякую гадюку отчитаетъ... Пошелъ у насъ мужикъ на могилки, видитъ на тѣхъ могилкахъ ягоды растутъ, онъ и

сталъ рвать тѣ ягоды; рветъ онъ тѣ ягоды, а гадюка выползи изъ могилки, да и укуси его за палець... Палець и опухъ, а тамъ опухъ пошелъ по всей рукѣ... всю руку такъ и рветъ!... Мужикъ побѣжалъ къ знахоркѣ; знахорка стала отчитывать,—рвать перестало, а опухъ не проходитъ. Мужикъ пошелъ къ другому знахорю; сталъ знахоръ отчитывать тотъ опухъ, — опухъ-то больше пошелъ, да еще и рвать опять стало. Тотъ мужикъ кинулся къ третьему знахорю. Какъ тотъ вошелъ къ этому знахорю: »Ты, говоритъ ему знахоръ, ты охочъ до ягодокъ; сладки на могилахъ ягодки? Тебѣ, говоритъ, отчитали, да зуба той гадюки не вычитали; надо зубъ вычитать.« — Пошелъ знахоръ съ тѣмъ мужикомъ на могилки, гдѣ ягоды мужикъ бралъ; сталъ знахоръ ту гадюку звать, что мужика укусила за палець, и ползетъ та гадюка: такъ маленькая, побольше пальца. — »Эта, говоритъ знахоръ, гадюка тебя укусила; эта гадюка всѣмъ старшая; ну, да мы съ ней справимся!« — Пошелъ знахоръ съ мужикомъ домой и гадюку съ собой кликнулъ, и та гадюка ползетъ за нимъ!... Пришли они къ знахорю всѣ втроемъ: знахоръ, мужикъ да гадюка та; и сталъ знахоръ гадюку допытывать.... Ужъ онъ мучилъ ее, мучилъ....

— Какъ билъ?

— Нѣтъ, однимъ наговоромъ!... Мучилъ гадюку, да и отпустилъ домой, а мужику говорить: »Ты приходи завтра, завтра и дѣло сдѣлаю.« Пришелъ назавтра опять мужикъ къ знахорю.... Такъ что жъ ты думаешь! Зубъ-то той гадюки у того мужика сквозь все тѣло прошелъ!

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: гадюка укусила мужика за палець, а какъ сталъ знахоръ отчитывать, зубъ-то вышелъ въ ногу!

— А ты видѣлъ этотъ зубъ?

— Самъ видѣлъ! да не я одинъ видѣлъ, всѣ видѣли: мужикъ тотъ зубъ домой принесъ.

— Какои же зубъ?

— А такъ какъ конопляное зернушко: съ виду и не узнаешь, что зубъ гадюки!...

— Пробовали вы раздавить этотъ зубъ? Можетъ быть, и заправское было конопляное зернушко?

— Какъ можно раздавить! Не то, что зубъ, а самоё гадюку раздавишь—большая вреда бываетъ. Я былъ такъ еще небольшой малецъ. Слышу я, что у гадюки ноги подъ кожей. Убилъ я гадюку, да и зачалъ

ее лупить, съ нее кожу драть... сало-то съ гадюки и потекло по рукамъ все равно, какъ олея.... Доискивался я ногъ у гадюки.... Увидаль отецъ, прибѣжалъ, меня за чубъ, гадюку закинулъ.... Что жъ ты думаешь? Руки всё покраснѣли, свербятъ! Недѣли три знахорка отчитывала, насилу отчитала!..

— А, можетъ быть, и такъ, безъ всякаго отчитыванія бы прошло само?...

— Куда пройти!... У насъ мужикъ нашель пороснiую гадюку, да какъ хватить ее дубиной, а та какъ брызнетъ ему передъ смертію на губу... вотъ третій годъ отчитать никакъ не могутъ....

— Что жъ, болить?

— Нѣтъ, болѣть не болить, только красно, свербитъ да мокнетъ. Подсохнетъ мало; это сойдетъ, да опять станетъ мокнуть; просто — на народъ стыдно показаться съ той губой!...

— Да онъ бы въ городъ къ лекарю сходилъ.

— Въ городъ не помогутъ. Знахорка — какъ можно! знахорка лучше. Одному мужику ужъ въ ротъ влѣзъ; такъ тотъ ѣздилъ, ѣздилъ по городскимъ лекарямъ, а всё толку никакого не было!...

— А знахорка помогла?

— Знахорки помогли.

— Да, можетъ быть, и ужъ ему въ ротъ никогда не влазивалъ?

— Вотъ и городскіе лекаря то же говорили; а какой не влазивалъ, когда самъ онъ своими глазами видѣлъ? Спитъ онъ, разинувши ротъ; только слышитъ онъ: ужъ ему въ горло ползетъ; тотъ проснулся, а ужъ только хвостикомъ вильнулъ, весь уже къ нему вползъ!...

— Какая же у того мужика болѣзнь была?

— А такъ: боленъ ничѣмъ не боленъ, а такъ: великая тоска нападаетъ.

— Тебѣ далеко идти со мной по одной дорогѣ? спросилъ я послѣ небольшого молчанія.

— Нѣтъ, не далеко; да тебѣ всё одна дорога — Царева.

— Какая Царева?

— А эта самая Царева дорога и есть, по которой мы съ тобою идемъ.

— Откуда жъ начинается Царева дорога?

— Начинается Царева дорога отъ самой отъ Дмитровки ⁽¹⁾ и идетъ до самого Стародуба.

(1) Т. е. городъ Дмитровскъ Орловской губерніи.

— Отчего же она прозывается Царевой?

— Да кто ее знает! Разно народъ болтаетъ: одни говорятъ, что когда царь Петръ на Литву подъ Полтаву ходилъ, такъ здѣсь приказалъ дорогу проложить. Тогда здѣсь всё лѣса были; Петру царю нельзя было свою армію здѣсь вести по лѣсамъ да по болотамъ; царь и приказалъ прорубить, мосты помостить... Оттого, говорятъ, и дорога прозывается Царевой. А другіе болтаютъ, что за Трубчевскомъ былъ царскій винокуренный заводъ; такъ говорятъ, отъ того завода дорога стала царской; кто ее знает!... Ну, братъ, прощай! мнѣ вправо надо, авось успѣю къ утру Жидамъ рыбки наловить.

— Ты для Жидовъ ловишь?

— Не то, что для однихъ Жидовъ, да кромѣ Жидовъ рыбы-то никто и не покупаетъ; ну, а Жидъ безъ рыбы не дыхнетъ!...

— Дай Богъ часть побольше наловить!

— Дай Богъ и тебѣ путь дорогу, отвѣчалъ онъ мнѣ, и мы разстались.

Дорога Царева отличается отъ другихъ обыкновенныхъ большихъ дорогъ во-первыхъ тѣмъ, что по Царевой дорогѣ вы почти не видите проезжающихъ, взаимно которыхъ вы видите лѣсъ, растущій на дорогѣ; во-вторыхъ — изобиліемъ верстовыхъ столбовъ: ежели вы пройдете десятки верстъ и не увидите ни одного столба, — не огорчайтесь: придетъ другой десятокъ верстъ и все наверстаетъ: на каждой верстѣ стоитъ двѣ версты, рядишкомъ одна верста старой формы, другая новой; и въ-третьихъ — безлюдьемъ.

— Что, будутъ до Стародуба деревни? спросилъ я встрѣтившуюся бабу, когда мнѣ достаточно надоѣло это безлюдье.

— Да подъ Стародубомъ будетъ Мериновка, отвѣчала та мнѣ.

— А до Мериновки не будетъ-жилыя?

— Не будетъ.

— Да вонъ, кажется, дымокъ изза лѣсу; тамъ кто нибудь живетъ?

— Да тамъ никого не живетъ.

— Отчего же дымъ?

— Да тамъ Жидовѣ живетъ.

— Развѣ Жидовѣ не люди? сказалъ я и отправился къ Жидовѣ.

Жидъ — шинкаръ и красильщикъ; стало быть, человѣкъ для всѣхъ нужный; но вы удивитесь, видя обращеніе съ нимъ народа: это не пренебреженіе, тѣмъ менѣе не ненависть, но что-то такое, чего я выразить не могу. Народъ здѣшній смотритъ на Жидову, какъ на животное. Ежели

мужикъ просить въ долгъ горѣлки, то далеко не унижается; а между собою о нихъ и при нихъ говорить, не стѣняясь никакими выраженіями и волиѣ выражая свое объ нихъ понятіе. Мнѣ ни въ одномъ кабаѣ не случилось слышать такихъ разсказовъ при женщинахъ, будь она Московка или Малороссіянка, какіе вы услышите при женщинахъ-Жидовкахъ, даже въ трезвомъ видѣ.

Передъ вечеромъ я пришелъ въ Стародубъ.

Павелъ Якушкінъ.

ІУДЕЯМЪ.

Намъ запрещаютъ употреблять названіе *Жидъ*: нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ мы по простотѣ сердца такъ называли съ незапамятныхъ временъ, оскорбляются этимъ. Трудно заставить Малороссіянъ вообще оставить названіе, которое вошло въ привычку, но что касается до меня, то я стану употреблять названіе, которое до сихъ поръ у насъ было въ обычаѣ только въ высокому слогу. Надѣмся, что этимъ не только не оскорбится, но примутъ его съ такою же охотою, съ какою мы имъ предлагаемъ его. Это названіе — Іудей. Слово *Жидъ*, съ древнѣйшихъ временъ общеупотребительное у Славянскихъ племенъ, принятое, быть можетъ, изъ Италіи (*Giudeo*), однозначительно со словомъ *Iudei*, но не однозначительно со словомъ *Еврей*, которымъ велятъ намъ называть ихъ. Въ этомъ мы не согласны съ г. редакторомъ *Основы* (VI, 137). Іудей — видовое, Еврей — родовое названіе; это все равно, что названіе Русскіе и Малоруссы, или Бѣлоруссы. Всѣ Іудей — Еврей, но были Еврей не Іудей; а тѣ Еврей, съ которыми мы имѣемъ теперь дѣло, — Іудей. Итакъ, кажется, мы угодимъ вполне и тѣмъ, для которыхъ слово *Жидъ* пахнетъ чѣмъ-то непріязненнымъ, и своему хохлацкому упрямству, чтобы насъ не заставляли называть народъ такъ, какъ мы его никогда не называли.

У насъ возникъ ужасный споръ съ Іудеями. Что же это за споръ? Ужъ не продолженіе ли того, который въ XVII вѣкѣ велъ противъ нихъ нашъ знаменитый Голятовскій въ своемъ «Мессія Праведномъ», побуждая дѣлать Жидамъ всякія пакости за то, что будто бы они дѣлаютъ пакости христіанамъ? Ничуть не бывало. Этотъ споръ начался съ названія. Это споръ, напоминающій знаменитую ссору Ивана Ивановича съ Ива

номъ Никифоровичемъ. Что же дѣлать? вѣдь ничтожное, повидимому, названіе *гусакъ* довело же до взлмныхъ обвиненій въ ехидныхъ и зъ ужасъ приводящихъ поступкахъ, и до страшнаго прикосновенія къ дѣлу бурой свиньи! Подобно тому и споръ Іудеевъ съ Малоруссами начинается разрастаться до исполинскихъ размѣровъ. Уже названіе осталось назади; враждебныя стороны готовы перенести свою войну на поле исторіи и статистики; но и за Іудеевъ возстаетъ на насъ вся литературная Великобританія. Враговъ у насъ много, враги сильны. Но дѣлать нечего, убѣжать постыдно, и *громады* бросать не подобаетъ. Такъ или иначе, а придется, по выраженію Богдана Хмельницкаго, «безъ наименьшаго отклада, всѣ настоящіе господарскіе дѣла и жнива оставивши, зъ добрымъ риштункомъ военнымъ въ совокупленіе войсковое прибувати и на хвалебномъ пляцу военномъ умѣрати и страдалческій, при своей истинѣ и оборонѣ, вѣнецъ пріяти.»

Съ чего склалась колотня, кто началъ? Іудей. *Основа*, занимаясь своими господарскими дѣлами, коснулась какъ то Іудеевъ и назвала ихъ Жидами, то есть назвала такъ, какъ называютъ ихъ милліоны Русскаго народа, не зная ни Еврея, ни Іудея. За это кто-то, подписавшійся П—въ, написалъ къ редактору укорительное письмо: «какъ де смѣютъ называть Евреевъ Жидами, когда *это имя сдѣлалось нарицательнымъ словомъ вообще всякаго плута и мошенника — все равно, былъ ли онъ Еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія!*» По доводамъ г. П—ва, это значить, что *Основа* *хочетъ пробудить средневѣковую вражду, возвратитъ свой народъ ко временамъ Богдана*. Г. П—въ спрашиваетъ г. редактора *Основы*: «доставитъ ли ему душевное удовольствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется на Украину?» Въ добавокъ г. П—въ присовокупилъ, что только вѣра въ благородство цѣлей и стремленій редактора побуждаетъ его просить письменно, а не печатно, не гласно, не употреблять гнусныхъ выраженій, принятыхъ журналомъ, и замѣнить ихъ національнымъ именемъ.

Очевидно, что г. П—въ страдаетъ невообразимую трусостію, когда употребленіе обычнаго въ народѣ названія могло пугать его видѣніемъ гайдамацкихъ ножей? Судя по себѣ, онъ и въ редакторѣ *Основы* предполагаетъ подобную трусость. Но ошибся: редакторъ напечаталъ его письмо вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ.

Требованіе г. П—ва было очень странно, претензіи его до крайно-

сти наивны. Иудей признавалъ самъ, что названіе, бывшее у насъ много вѣковъ собственнымъ названіемъ народа, сдѣлалось нарицательнымъ словомъ вообще всякаго плута и мошенника. Что же намъ дѣлать? Тѣмъ хуже для Иудеевъ, но пособить этому не въ нашихъ силахъ. Редакторъ *Основы*, по нашему убѣжденію, отвѣчалъ то, что слѣдовало, именно: что слово *Жидъ* есть собственное имя, употребительное для этого народа съ незапамятныхъ временъ, и само по себѣ не заключаетъ браннаго, оскорбительнаго смысла; что презрительный и невыгодный взглядъ на *Жидовъ* въ народѣ не происходитъ отъ слова *Жидъ*, а отъ историческихъ причинъ; и привелъ при этомъ народную думу, гдѣ изображаются тѣ утѣшенія, какія нѣкогда Украинскій народъ терпѣлъ отъ *Жидовъ-орандарей*, находившихся подъ покровительствомъ польскихъ пановъ. Очень кстати было привести эту думу: редакторъ *Основы* отстранялъ отъ себя все, что могъ бы сказать непріятнаго для Иудейскаго племени, а заставилъ говорить самъ народъ. Въ заключеніе редакторъ сказалъ: »До-сихъ-поръ Еврейское племя живетъ особнякомъ среди Южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ, не рѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или — что еще хуже — стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній — вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга, — а пониманіе есть начало примиренія.«

Мы нарочно выписали эти слова, потому что на нихъ-то впоследствии посыпались обвиненія. Послѣдній періодъ, начиная со словъ: »взаимное сближеніе«, показываетъ, что редакторъ вовсе не проповѣдникъ вражды къ Иудеямъ, и слѣдовательно съ этой стороны не честно будетъ нападать на него. Остается то, что стоитъ передъ этимъ: т. е. взглядъ редактора на современныя и на прошедшія отношенія Малороссіи къ Иудеямъ. Здѣсь редакторъ можетъ быть неправымъ: онъ говоритъ, что Иудеи не сдѣлали

ни шага къ сближенію съ Малороссійскимъ народомъ; но тѣ, которымъ это не нравится, пусть представляютъ факты Іудейскихъ стремленій къ сближенію съ Малороссійскимъ народомъ. И если факты эти будутъ убѣдительно, то мы надѣемся въ редакторѣ видѣть достаточно благородства, чтобы сознаться въ прежней ошибочности своего взгляда; такъ точно, какъ въ подтвержденіе словъ: «нерѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа», редакторъ могъ бы привести хоть такой подтвердительный фактъ:

Въ городѣ Радомыслѣ Кіевской губерніи полиція получила свѣдѣніе, что мѣстные мясники Евреи, вмѣсто баранины, продаютъ дохлыхъ собакъ; поэтому 16 ноября вечеромъ осмотрѣны были мясныя лавки, и въ одной изъ нихъ найдены три убитыя собаки, съ которыхъ Евреи снимали кожу. Лавка была немедленно запечатана и къ ней приставленъ караулъ; но когда на слѣдующее утро полиція прибыла съ понятными и медикомъ для составленія акта, то въ лавкѣ вмѣсто собакъ найдена съжая говядина самаго лучшаго сорта; между тѣмъ печати, приложенныя наканунѣ къ дверямъ лавки, не были повреждены (*С. П. Б. Вѣд.* 1862 года, № 8).

Также точно слѣдовало фактами опровергнуть мысль, что для націи вредно существованіе посреди ея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбѣ. Признаемся, мы сами первые въ этомъ отношеніи не согласны съ г. редакторомъ *Основы*, и намъ кажется, что онъ сказалъ не то, что хотѣлъ сказать, тѣмъ болѣе, что съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Евреевъ, они не были равнодушны къ Малоруссамъ и не держали себя всторонѣ: даже дума, приведенная редакторомъ, говоритъ совсѣмъ не то объ этомъ народѣ. Какъ бы то ни было, съ редакторомъ можно было спорить, не соглашаться, но никакъ нельзя было его упрекать нравственно во враждѣ къ Еврейскому племени и въ исключительной національности, не терпящей сближенія съ другими, коль скоро онъ заявляетъ желаніе этого сближенія.

Не такъ поступилъ *Cionъ*, іудейскій журналъ, помѣтивши въ 10 № 1861 года статью *Основы* и вопросъ о національностяхъ. Соглашавсь съ редакторомъ *Основы*, что слово *Жидъ* дѣйствительно не имѣетъ ничего оскорбительнаго, — изъ словъ редактора, что «для націи вредно существованіе другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ», *Cionъ* выводилъ, что тутъ проповѣдуется истребленіе и изгнаніе такихъ народностей, воспоминаетъ инквизицію, времена варварства и феодализма; тогда какъ все, что высказалъ редак-

торъ *Основы* о необходимости сближенія между Южноруссами и Евреями, ясно охраняетъ его отъ такихъ недостойныхъ намековъ. Считать вреднымъ пребываніе хотя бы Іудейскаго племени на своей родинѣ не значить еще проповѣдывать ихъ истребленіе или изгнаніе. Вредъ этотъ можно желать исправить болѣе гуманными, мирными средствами, на какія и указываетъ редакторъ въ общихъ мѣстахъ. По нашему мнѣнію, редактора можно было обвинить за неточность и общность выраженій. Редакторъ виноватъ въ томъ, что хотѣлъ выразиться слишкомъ мягко объ Іудеяхъ, и попалъ въ ошибку. Мы пишемъ теперь смѣло то, что думаемъ объ этомъ, и пусть пожалуй Іудеи поднимутъ на насъ такой же всеобщій протестъ всей русской литературы, какъ на *Иллюстрацію*. Народность, которая только равнодушна къ благу страны, гдѣ живетъ, и держитъ себя всторонѣ, поэтому одному не можетъ считаться вредною: у насъ въ городахъ живутъ ремесленники и торговцы Нѣмцы, Французы, Греки, Татары и проч. Мы не можемъ видѣть въ этомъ ничего дурного, а правду сказать — они по большей части и очень равнодушны къ благу нашей страны. Народность чуждая, живущая посреди господствующаго по массѣ туземнаго населенія, бываетъ вредна тогда, когда пользуясь обстоятельствами этой страны, захватываетъ въ свои руки исключительно какую-нибудь вѣтвь общественной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ свои особые цѣли и стремленія.

Такими дѣйствительно были у насъ Іудеи. Въ Польскомъ мірѣ, котораго основанія сохранялись и до позднѣйшихъ временъ, благодаря крѣпостному праву, народъ, поработенный панству, могъ только черезъ промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодѣйствовать сколько-нибудь роковой судьбѣ, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже въ печальную яму безправія и страдательнаго терпѣнія. Такъ дѣйствительно и было на западѣ, гдѣ среднее сословіе поставило оплотъ произволу бароновъ, и хотя всё-таки не вывезло съ собою разомъ всего низшаго класса, но по крайней мѣрѣ дѣйствовало постепенно на этотъ классъ и послужило на будущее время горниломъ народной самобытной цивилизации, дѣйствовавшей на развитіе равноправія. Въ Польшѣ и Малороссіи эта роль не досталась народу: ее заняли Іудеи, народъ, который, по своей древней исторически развитой природѣ, не могъ дѣйствовать иначе, какъ для собственныхъ, отдѣльныхъ отъ туземцевъ цѣлей. Что бы ни говорили Іудейскіе патриоты о гуманности и общечеловѣчности Евреевъ, какіе бы ни приводили отрадныя факты изъ сочиненій своихъ раввиновъ, во все это не болѣе какъ второстепенныя явленія еврей-

ской мыслительности, а не духъ іудейства. Довольно знать «Ветхій За-
вѣтъ», чтобъ видѣть, что Іудеи во все времена, пока оставались истыми
Евреями, должны были пребывать изолированными отъ другихъ пле-
менъ, почитать себя единственнымъ избраннымъ отъ Бога народомъ. Въ длин-
ный періодъ своего изгнанія, Евреи питались и питаются надеждою воз-
рожденія и пришествія Мессіи; а эта эпоха представляется въ воображе-
ніи ихъ эпохою власти и могущества надъ всеми племенами земными.
Буквально принимаемая мѣста ветхаго закона (въ христіанской церкви
понимаемая въ высшемъ, духовномъ смыслѣ) прямо указываютъ имъ
на это. Страна, гдѣ живутъ они, не есть ихъ отечество: оно у нихъ
впереди, оно откроется имъ тогда, когда совершится обѣтованіе Мессіи,
а то, что временно соединяетъ ихъ на земли, есть Іудейское племя.
Такимъ образомъ вся дѣятельность истиннаго Іудея должна быть посвя-
щена исключительно пользамъ своего племени. Живучи среди иновер-
ныхъ и иноплеменныхъ народовъ, Іудеи не смѣшивались съ ними и иска-
ли среди нихъ только средствъ собственной выгоды, хотя бы она сопря-
жена была и съ невыгодою чуждаго имъ населенія. Сама біблія на-
учаетъ ихъ обращать благосостояніе края, гдѣ живутъ, на исключитель-
ное свое благосостояніе: «богатства языкъ снѣден», говоритъ имъ проро-
ческое обѣтованіе. Слова нѣтъ: Еврей народъ вообще чрезвычайно спо-
собный и умный, содѣйствовавшій развитію человѣческой образованности
въ большей степени, чѣмъ сколько намъ представляетъ до сихъ поръ
историческая наука. Важный вопросъ этотъ еще впереди для разрѣше-
нія; но несомнѣнно и то, что они же ему и препятствовали, когда дѣло
касалось вопросовъ болѣе широкихъ, вызывавшихъ новыя силы изъ
нѣдръ подавленныхъ вѣками массъ; ибо Іудеи всегда обращались съ сво-
ими стремленіями на ближайшую практическую дорогу, ведущую прямѣе
къ удовлетворенію ихъ народныхъ цѣлей, а эта дорога была всегда до-
рога угождений существующей силѣ, — хотя бы и несправедливому про-
изволу. Такимъ образомъ, когда Іудеи расселились въ Польшѣ и Ма-
лороссіи, они заняли мѣсто средняго сословія, сдѣлались вольными
слугами и агентами могучаго панства: они прильнули къ сильнѣйшей
сторонѣ, и было имъ очень хорошо, пока народъ, возставши противъ
панства, не подвергъ своему осужденію и помощниковъ послѣдняго.
Іудеи, имѣя въ виду только свои и своего племени выгоды, стали извле-
кать ихъ изъ тѣхъ отношеній, какія образовались между панствомъ
и хлопствомъ. Такимъ образомъ Іудей сталъ fac-totum пана; панъ до-
вѣрилъ ему все свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, или свои

имѣнія и своихъ подданныхъ, даже иногда и вѣру послѣднихъ, когда она, въ глазахъ его фанатизма, перестала имѣть святость. Іудей почиталъ себя дѣйствующимъ справедливо и законно, ибо законъ былъ то, что было угодно сильному классу, правившему страню. Козаки, составивши противъ панства, истребляли Іудеевъ безчеловѣчно. Безъ сомнѣнія, кромѣ поводовъ, вытекавшихъ изъ общественныхъ и административныхъ условій страны, примѣшивался къ этому несчастный христіанскій фанатизмъ; но и то несомнѣнно, что въ Южнорусскомъ народѣ одинъ этотъ фанатизмъ не произвелъ бы такихъ печальныхъ явленій, все равно какъ одна религіозная привязанность къ православію не ополчила бы народъ и на католичество. Этотъ народъ дружилъ же съ Татарами-мусульманами и шолъ съ ними на Поляковъ, дружилъ онъ и съ Поляками, пока Поляки не вывели его изъ терпѣнія. Прислушиваясь къ сужденіямъ Южноруссовъ объ Іудеяхъ, мы не разъ имѣли случай замѣтить, что они рѣдко и мало смотрятъ на послѣднихъ недружелюбно съ религіозной точки. Іудей для Украина не милъ потому, что онъ считаетъ послѣдняго способнымъ его обмануть, воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ для своихъ выгодъ, прижать его, если будетъ случай. Въ іудействѣ вообще для Южноруса есть что-то, если не враждебное, не постоянно тяготѣющее, то холодное, безчувственное къ его состоянію, прозябающее въ его средѣ только для себя, проходящее по одной съ нимъ жизненной дорогѣ, но къ другимъ цѣлямъ. Онъ знаетъ, что Іудей всегда ему посторонній: высѣчетъ ли его закономъ — Іудей не почтитъ сочувствіемъ его раны; возьмутъ ли у него дочь на растѣніе, — Іудей посмѣется надъ его горемъ, а можетъ быть и самъ поможетъ его совершенію; повезутъ ли его сына въ рекруты — Іудей не раздѣлитъ съ нимъ семейнаго горя; неурожай ли у него, пожаръ ли — Іудей не пожалѣетъ объ этомъ, если не увидитъ, что бѣдствія эти простираются на него самого. Нѣтъ у него съ Іудеемъ ни дружеской бѣды, ни общей трапезы; поселянинъ обращается къ нему только тогда, когда есть нужда и притомъ зная, что Іудей будетъ наблюдать одну свою пользу. Іудей — надобно честь имъ отдать — часто люди въ сущности очень нравственные, хорошіе отцы семейства, не затруднятся пользоваться какъ угодно безнравственностію Южноруса. На лицѣ этого народа Южноруссы будутъ видѣть начертанную холодною рукою судьбы надпись: «я самъ по себѣ, ты самъ по себѣ». Между тѣмъ такого отношенія нѣтъ у нихъ положительно ни съ какимъ другимъ народомъ. Все другіе иноземцы, если и стоятъ въ особности отъ народа, то по раз-

ности приёмовъ жизни и болѣе по языку, а не по принципу отдѣленія. Они равнодушны къ вопросамъ національнымъ, но это равнодушіе часто стирается и дѣлается незамѣтнымъ въ частныхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, нельзя сказать вообще, чтобъ между Нѣмцами и Русскими была большая симпатія, если принимать массу тѣхъ и другихъ; но въ отдѣльности стоить только Нѣмцу знать по-русски и русскому по-нѣмецки и нѣсколько сходитьса въ нравахъ и понятіяхъ, и между ними можетъ быть даже дружба. И въ самомъ дѣлѣ нерѣдко случается, что Русскій, по принципу и разнымъ взглядамъ нерасположенный къ положенію Нѣмцевъ въ Россіи, имѣетъ у себя искреннихъ друзей между Нѣмцами. Признаемся, намъ не случалось видѣть, чтобы Русскій сошелся и подружился съ Евреемъ; это трудно видѣть даже между образованными людьми обѣихъ націй. Въ Іудеѣ, развитомъ человѣкѣ, нерѣдко Русскій встрѣчаетъ какую-то холодность, сухость, безсердечность: такъ и видно, что за предѣлами его іудейства для него хоть волкъ траву ѣшь. У тѣхъ же, которые принимаютъ христіанство и повидимому отрекаются отъ іудейства, прежнія національныя побужденія нерѣдко замѣняются однимъ сухимъ эгоизмомъ, и вотъ причина, что у насъ къ *христамъ* не только не выражаютъ симпатіи, какъ бы можно было надѣяться по отношенію къ новопоступившему въ наше общество, напротивъ, смотрятъ на нихъ недоброжелательнѣе, чѣмъ на сохраняющихъ свою вѣру. Это оттого, что у послѣднихъ видятъ достойную уваженія любовь и преданность своей религіи и своей національности, выкрестовъ же считаютъ потерявшими въ душѣ эту праотческую святыню и не замѣнившими ее ничѣмъ другимъ священнымъ. Разумѣется, бываютъ исключенія, но мы говоримъ о современномъ воззрѣніи: такъ привыкли смотрѣть на тѣхъ и другихъ.

Эти характеристическія черты іудейской національности, по нашему мнѣнію, истекаютъ изъ духа ветхозакононости, необходимо долженствовавшей принять образъ отложенія отъ прочаго міра. Послѣ потери Іудеями отечества, они подвергались крайнимъ униженіямъ, въ которомъ находился Іудейскій народъ въ продолженіе тысячелѣтій. Въ исторіи іудейскаго разсѣянія есть сторона въ высокой степени величественная, поэтическая. Народъ, давшій почти всему образованному міру религіозный строй, народъ, положившій фундаментъ всему, что составляетъ сущность нравственнаго развитія, цивилизаціи человѣческаго рода, — народъ этотъ остается со старыми формами недвижимо среди грядущихъ поколѣній. Передъ нимъ совершаются радикальные перевороты, передъ

нимъ исчезаютъ племена, возникаютъ новыя народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перерождаются, — а этотъ народъ всё тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ, не глядитъ въ будущее; повсюду гонимъ, попираемъ, унижаемъ; національности, звѣрки враждебныя другъ противъ друга, примиряются и сходятся на одинаковомъ презрѣніи къ бѣдному, проклятому небомъ, отверженному **Жиду**: ему плюютъ въ лицо въ благодарность, когда онъ окажетъ услугу, ожидая за нее куска хлѣба; его сожигаютъ и убиваютъ для потѣхи; чувства совѣсти у народовъ не оказывается, когда идетъ дѣло объ оскорбленіи Жиды: Жидъ не человѣкъ, Жидъ хуже собаки! И, не смотря на такую всеобщую анаемю всего образованнаго человѣчества, это *отребіе* народовъ не падаетъ духомъ: этотъ народъ признаетъ за собою нравственное величіе и превосходство предъ тѣми, кто ругается надъ нимъ; онъ изучаетъ пружины общества, среди котораго осужденъ на безысходное терніе, узнаетъ его слабыя стороны, пользуется ими и, какъ-будто въ посмѣяніе безумію тѣхъ, которые презрительно съ нимъ обращаются, находитъ себѣ въ этомъ негостепріимномъ обществѣ такое положеніе, что овладѣваетъ важнѣйшими вѣтвями общественныхъ силъ, вертитъ королями, панами, баронами, въ его рукахъ торговля, деньги — душа міра. Деньги! «Жидъ любитъ деньги, больше всего любитъ Жидъ деньги», — повторяется съ незапамятныхъ временъ эта избитая фраза. Дѣйствительно, и въ XII вѣкѣ Жидъ черезъ деньги управлялъ борьбою Итальянскихъ партій, и въ XVI вѣкѣ Жидъ вышелъ на сцену въ геніальномъ типѣ у Шекспира, въ его Шейлокѣ, и въ XIX вѣкѣ тотъ же вѣчный Жидъ является въ многосложномъ образѣ европейскаго банкирства. Этотъ вѣчный Жидъ поймалъ слабую струнку міра и держится за нее и водитъ міромъ, и міръ былъ обманутъ: міръ думалъ, что Жидъ у него подъ пятою, а самъ и не услышалъ, какъ очутился у Жиды на привязи. Іудей совершаетъ изумительную борьбу съ исторіей: исторія осуждаетъ его на бѣдность и нищету, — Іудей овладѣваетъ богатствами міра; исторія осуждаетъ его на невѣжество и одичалость порабожденнаго состоянія, — Іудей дѣлается великимъ философомъ, поэтомъ, композиторомъ; исторія выбрасываетъ его изъ колеи человѣческаго развитія, — Іудей пролагаетъ себѣ собственный путь, заходитъ впередъ и смотритъ проницательно на это развитіе, говоря самъ себѣ: «идите, идите, боритесь... я буду смотрѣть и дожидаться; все для меня; безумцы вы, не знаете, что трудитесь, терпите для меня, пренебреженнаго, забитаго, оплеваннаго, грязнаго Жиды.» Исторія не разъ грозила стереть Іудей-

ское племя съ лица земли, — и на зло исторіи, Іудейское племя распростирается по всѣмъ концамъ земли. Жиду говорятъ: «ты хуже всѣхъ колѣнъ земныхъ», — и онъ не споритъ, онъ кланяется и повидимому соглашается, а въ душѣ у него остается сознаніе превосходства надъ всѣми. Поразительна черта, которую, безъ сомнѣнія, рѣдкій не испыталъ въ своей жизни, имѣя случай вступать въ дѣло съ Евреями. Вотъ иностранецъ Еврей приходитъ къ вамъ въ домъ съ фальшивымъ золотомъ. «Ты Жидъ!» говорятъ ему. — «Нѣтъ, Боже сохрани!» отвѣчаетъ онъ, и начинается съ презрѣніемъ отзываться о Жидакъ. «Я честный Нѣмецъ, не извольте меня обижать!» и укладываетъ свой товаръ. И вы чувствуете, что оскорбили его, и готовы просить у него прощенія, чтобы успокоить его оскорбленіе, покупаете у него мѣдъ за золото, а онъ смѣется надъ вами. Браните его племя, какъ угодно! Онъ не дорожитъ вашимъ мнѣніемъ; онъ пренебрегаетъ вашимъ словомъ: онъ васъ презираетъ дѣломъ. «Іудей выше всѣхъ колѣнъ земныхъ», думаетъ онъ, и доказываетъ это своей гигантской борьбой съ рокомъ, передъ которымъ падали во прахъ сильнѣйшія племена земли. И что ожидаетъ этотъ народъ въ грядущемъ? Что если наше цивилизованное общество, послѣ многотрудной борьбы со своими недостатками и страстями, кидаясь то въ ту, то въ другую сторону, доходя почти до отчаянія и потерявъ вѣру въ свою нравственную мощь, обратится къ этому нѣкогда отверженному народу и призоветъ его, какъ нѣкогда наши предки варяговъ, устроить у себя нарядъ?

Какъ бы то ни было, очень понятно, что Іудей, живя въ обществѣ съ своеобразными древними формами вѣрованія и жизни, съ сознаніемъ особаго для себя будущаго, въ которомъ имъ предстоитъ первенство надъ всѣми земными племенами, въ обществѣ, которое единодушно пыталось стереть ихъ съ лица земли, — эти Іудеи не могли иначе сохранять свое существованіе, какъ овладѣвая слабыми сторонами этого общества для того, чтобы обратить въ свою исключительную пользу его жизненные силы. Это былъ единственный путь самосохраненія; иначе отъ іудейства давно уже не осталось бы ничего.

Въ нашей родинѣ Іудеи дѣйствовали съ такимъ же тактомъ, какъ и вездѣ, и если здѣсь они испомѣстились особеннымъ образомъ, то это зависѣло отъ тѣхъ сторонъ, которыми они воспользовались, найдя ихъ въ землѣ нашей. Слабѣйшая сторона нашего общества, въ эпоху соединенія нашего съ Польшею, состояла въ разрывѣ между панствомъ и народомъ и отношеніяхъ власти перваго надъ послѣднимъ. Іудеи ударили прямо въ эту струну. Способствуя порабощенію и униженію народа, они въ

то же время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали пановъ по тѣлу собственнымъ ихъ саломъ, какъ разлился одинъ изъ нашихъ старыхъ лѣтописцевъ. Порабощенное состояніе земледѣльцевъ, продолжившееся и впослѣдствіи, причина, поводъ, что Іудей продолжали держать въ рукахъ промышленность и торговлю, лѣтали барскую лѣнь сильнаго пана и апатичную лѣнь забитаго мужика. Они не питали симпатіи ни къ тому, ни къ другому, а пользовались только известнымъ *statu quo*. Правственные интересы края и народа существуютъ для нихъ только по отношенію къ себѣ. Столкнулся ли Іудей съ человѣкомъ правственнымъ, котораго нельзя никакъ искусить на худое, — онъ пользуется, на сколько можетъ, тѣмъ отношеніемъ, въ какое съ нимъ поставленъ; онъ даже можетъ побудить его на какое-нибудь доброе дѣло, но имѣетъ въ виду только то, что ему перепадетъ изъ этого добраго дѣла; но если передъ нимъ субъектъ безправственный, онъ также станетъ потворствовать его дурнымъ побужденіямъ, чтобы воспользоваться ими. Жившіе въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ знаютъ, какъ часто Іудей развиваютъ у поселянъ склонность къ пьянству, охотно даютъ ему *на-боръ* водки, чтобъ потомъ запутать, разорить, чтобъ все достояніе пьяницы перешло въ ихъ шинки, какъ побуждаютъ поселянъ на воровство и принимаютъ краденныя вещи, какъ услуживаютъ разврату и соблазняютъ женщинъ, какъ умѣютъ извинить всевозможныя страсти, чтобъ довести человѣка до положенія выгоднаго для себя, хотя бы окончательно разрушительнаго для него. Это дѣлается однако не по какому-либо глубоко безправственному побужденію, не по склонности ко злу, а по холодности и безучастию къ міру, стоящему за предѣлами іудейства. Іудей рѣдко будетъ сознательно дѣлать зло, какъ и добро; онъ посторонній причинамъ, управляющимъ тѣмъ, что вокругъ него происходитъ; ему посторонни и свѣтлыя и темныя жизненныя явленія: его дѣло — пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, такъ сказать, напрашиваются быть ему полезными.

Въ такомъ духѣ поступилъ и *Сіонъ*, іудейская газета. По поводу возникшаго спора іудейства съ *Основою*, онъ тотчасъ увидѣлъ у противника то, что во внѣшности показывается слабою формою; это — узкость національности, въ которой могутъ, по расчету *Сіона*, обвинять *Основу*, какъ журналъ, имѣющій цѣлю специальное изученіе одной половины Россіи. Кто привыкъ смотрѣть на Россію и русскую жизнь только съ внѣшней стороны (а такихъ ухъ! какъ много у насъ!), тотъ легко дойдетъ до такого заключенія: писать на южнорусскомъ языкѣ, под-

держивать южнорусскую народность—не значить ли расторгать единство русской жизни, не значить ли возбуждать народныя антипатіи, готовить въ будущемъ раздвоеніе, раздѣленіе и даже разложеніе государства? и пишущіе по-южнорусски не враги ли политической цѣлости Россіи, противники единовластія?—Кто разсудилъ, что *Основа* и малорусскіе писатели не создаютъ никакой народности; кто знаетъ, что народность русская существовала всегда въ двойственной формѣ, и что изъ потребности сближенія литературы съ народомъ вытекаетъ сама собою необходимость вступленія въ область письменности народнаго элемента обоихъ видовъ, какъ великорусскаго, такъ и южнорусскаго; кто пойметъ, наконецъ, изъ примѣровъ тысячелѣтія прошедшей исторіи, что цѣльность русскаго народа, а тѣмъ менѣе его политическое единство никогда этимъ не можетъ быть нарушено, послѣ того какъ это единство не затерялось, не забылось и, съ добровольнымъ напряженіемъ всѣхъ народныхъ силъ, возродилось даже и послѣ многовѣковыхъ обстоятельствъ, насильственно его расторгавшихъ; кто взвѣситъ все это, тотъ, разумѣется смѣхомъ отвѣтитъ на подобныя опасенія. *Cionъ*, какъ газета умная, прежде многихъ Русскихъ внутри себя засмѣется надъ этимъ. Но она знаетъ, что не все ясно видать вещи, а найдется много такихъ, которые будутъ судить по нѣшнимъ признакамъ нѣкотораго подобія явленій съ явлениями, только вѣншимъ образомъ имѣющими сходство между собою; на этихъ-то *Cionъ* и разсчитываетъ, и набрасываетъ на *Основу* такія тѣни: «не въ частномъ употребленіи слова Жидъ усматриваемъ мы опасность, а въ исключительно-національныхъ выраженіяхъ *Основы*, которыя заставляютъ ее предпоставлять національное общечеловѣческому», и проч. Еврейство отходить на второй планъ: надобно обвинить Малоросіянъ въ чемъ нибудь по важнѣе: «Вообще», говоритъ *Cionъ*, «стремленія исключительно національныя никакъ нельзя назвать плодотворными; онѣ могутъ быть иногда хороши, какъ реакція, и имѣютъ отрицательное значеніе. Особенно же бесполезны и даже вредны эти стремленія, когда они имѣютъ цѣлью разъединить народы, которые, по племенному родству или общимъ политическимъ и политико-экономическимъ интересамъ, должны составлять одно цѣлое. Тутъ дѣленіе не имѣетъ конца, и распри за первенство между отдѣльными мелкими національностями, или между частями одной и той же національности, никогда не дадутъ имъ совершенствоваться въ общечеловѣческомъ развитіи.»

Что это такое, ясно видѣть можетъ всякій. Разумѣется, здѣсь говорится о разъединеніи народовъ—не Южнорусскаго съ Еврейскимъ, по-

тому что поминается о племенномъ родствѣ, въ которомъ мы не имѣемъ чести состоять съ Евреями. Здѣсь *Cionъ* прямо обвиняетъ *Основу* и всѣхъ раздѣляющихъ одно съ нею общее направленіе въ стремленіи разединить Южнорусскій народъ съ Великорусскимъ. Въ заключеніе своей статьи *Cionъ* говоритъ: «Въ высшей степени печально такое положеніе дѣлъ и для литературы, и для самой страны, но еще печальнѣе, что и эту такъ малочисленную публику стараются разбить на мельчайшіе еще кружки, съ своими особыми нарѣчіями и подрѣчіями, внося въ нее такимъ образомъ рознь, — вмѣсто того, чтобы вести ее подъ знаменемъ одного общаго литературнаго языка, помимо мелкихъ племенныхъ распрій, къ великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, къ распространенію всѣми силами гуманности и образованія въ массѣ народовъ нашего отечества, къ дружнымъ усиліямъ усвоить ему тѣ блага, которыя составляютъ лучшую часть въ достояніи современнаго человѣчества.»

Какъ удачно, какъ ловко Іудеи разчитываютъ на слабыя стороны общества, среди котораго живутъ! Съ одной стороны они возбуждаютъ современныя модныя движенія громкими фразами: «образованности, гуманизма, общечеловѣческихъ цѣлей», и располагаютъ въ свою пользу все, что имѣетъ желаніе казаться просвѣщеннымъ, современнымъ; съ другой — возбуждаютъ противъ насъ негодованіе великорусскаго патріотизма и даже, если можно, нерасположеніе правительства, выставивъ насъ тайными зложелателями и разединителями отечественной цѣлости! Все, что Іудеи написали здѣсь, есть ли сколько-нибудь добросовѣстный отвѣтъ на то, что къ нимъ относилось въ *Основѣ*? Противъ чего они спорятъ, что защищаютъ? Назвали Евреевъ Жидами — П-въ оскорбляется; *Cionъ* признаетъ за своимъ племенемъ это названіе; тутъ спора нѣтъ. Редакторъ *Основы* полагаетъ, что чуждое населеніе, живущее посреди страны, не должно быть равнодушно къ судьбамъ ея — и въ этомъ *Cionъ* соглашается, только замѣчаетъ, что отказываться отъ вѣковыхъ особенностей Іудеи могутъ только въ пользу цѣлаго, а не одной какой-нибудь части. Здѣсь *Cionъ* хватаетъ больше, чѣмъ сколько *Основа* желаетъ. *Основа* не заявила мысли, что Евреи должны отказываться отъ своихъ вѣковыхъ особенностей, то есть отъ народности, а только, напомнила что они должны дѣйствовать на пользу, а не во вредъ тому краю, гдѣ живутъ. Что значитъ отказаться въ пользу цѣлаго, а не одной какой-нибудь части? Да развѣ *Основа* или кто-нибудь изъ южнорусскихъ писателей, гдѣ-нибудь и когда-нибудь, выказывали, что могутъ быть условія полезныя для общаго и вредныя для частей, и на оборотъ?

Полезное для Южнаго края развѣ не полезно для Москвы, Вятки, Новгорода? Очевидно, показывая видъ, будто бы понимаютъ съ нашей стороны какое-то раздѣленіе пользы части, то есть Южной Руси, отъ пользы цѣлаго, то есть Россіи,—*Сіонъ* хочетъ очернить *Основу* и Южнорусскую литературу. Въ томъ же тонѣ *Сіонъ*, приводя мѣсто изъ *Основы*: «нерѣдко дѣйствуютъ противно духу и пользамъ нашего народа», дѣлаетъ въ скобкахъ такое замѣчаніе: «замѣтите, что дѣло идетъ все только о Южнорусскомъ народѣ.» Да разумѣется *только* о Южнорусскомъ народѣ, во-первыхъ потому, что *Основа* — журналъ, специально посвященный изученію Южнорусскаго края, во-вторыхъ потому, что Іудеи нѣтъ въ Великороссіи, слѣдовательно ихъ масса не можетъ тамъ дѣйствовать ни въ пользу, ни во вредъ народу. Если бы *Сіонъ* добросовѣстно хотѣлъ возражать *Основѣ*, то долженъ былъ привести фактическія доказательства, что Іудейское племя дѣйствовало къ пользѣ Южнорусскаго края, и разсѣять древнее всеобщее убѣжденіе въ противномъ. Но *Сіонъ* едва-ли въ силахъ это сдѣлать при всемъ искусствѣ защищать себя и представлять свѣтлыя стороны, чѣмъ обладаютъ іудейскіе писатели... *Сіонъ* принималъ обыкновенную іудейскую уловку: зацѣпить своего противника съ тѣхъ сторонъ, которыя считаетъ у него слабыми.

Что должна была отвѣчать на это *Основа* или ея сотрудники? Именно то, что отвѣчалъ Іудеямъ г. Кулишъ, въ своей статьѣ «Передовые Жиды», напечатанной въ IX № *Основы*. Спорить съ Іудеями было невозможно: они свернули съ дороги. А вести споръ о правахъ, или объ отношеніяхъ нашихъ къ общерусской національности и къ нашему общерусскому отечеству съ Іудеями намъ вовсе было не кстати. Г. Кулишъ очень справедливо ограничился указаніемъ, что хорошо понимаетъ ихъ цѣль и оцѣниваетъ приемы ихъ полемики, и при этомъ привелъ имъ на память протестъ, подписанный южнорусскими писателями въ пользу Евреевъ. *Сіонъ* въ отвѣтъ на это въ 21 № напечаталъ вотъ что:

»Въ отвѣтъ на статью въ № 10-мъ «Сіона»: — «Основа и вопросъ о національностяхъ» — въ сентябрской книжкѣ «Основы» напечатана статья г. Кулиша подъ заглавіемъ: «Передовые Жиды». Статья эта содержитъ въ себѣ не разборъ мнѣній, изложенныхъ въ «Сіонѣ» по вопросу о національностяхъ, а безпримѣрно-наглые ругательства и ни на чемъ не основанныя обвиненія въ такомъ образѣ дѣйствій, котораго не можетъ не гнушаться честный человѣкъ. Такого рода обвиненія, возводимыя противъ какого бы то ни было органа гласности въ Россіи, по нашему мнѣнію, не могутъ и не должны быть оставлены безъ вниманія рус-

ской литературою. Почва, на которой она стоитъ, не на столько еще тверда, обстановка, среди которой она развивается, не на столько еще благоприятна, чтобы она могла оставаться равнодушна къ дѣламъ подобнаго рода, предоставляя разрѣшеніе ихъ только ближайше-заинтересованнымъ лицамъ и журналамъ. Она должна сама вникнуть въ сущность такого рода обвиненій и взвѣсить, заслужены ли они дѣйствительно, и за тѣмъ отвергнуть отъ себя или тотъ журналъ, который «*для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаетъ къ неравному оружію, ведетъ свою полемикку недостойными литературы способами, оскорбляетъ достоинство печатнаго слова, употребляетъ въ дѣло съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость*», и т. д., — или же тотъ журналъ, который позволяетъ себѣ, незаслуженнымъ образомъ, такъ клеймить своего собрата, возводя на него безъ всякаго права и основанія такіа гнусныя вины. Воздерживаясь поэтому отъ всякаго предварительнаго самозащита, мы передаемъ свое дѣло съ «Основой» на судъ всей русской публицистики, и, обращаясь къ ея представителямъ съ просьбою разобрать это дѣло, мы наперель увѣрены, что они вѣнчать себѣ въ нравственную обязанность принять на себя такой трудъ и произнести свой приговоръ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ своихъ журналовъ.»

Опять та же іудейская замашка употреблять въ свою пользу слабыя стороны. *Сіонъ* хорошо знаетъ, какъ въ русскомъ обществѣ теперь въ модѣ гласность, общественное мнѣніе и общественный судъ: ихъ призываетъ онъ. *Сіонъ* тоже знаетъ, что съ требованіями гуманности и равноправности является расположеніе къ Іудеямъ: Іудей теперь любимцы современной передовой Россіи. Разсчитавши на это, Іудей смѣло подаютъ на *Основу* жалобу всей Русской литературѣ. При этомъ однако не обошлось и безъ того, чтобы въ жалобѣ не оказалось и невѣрности. Такъ, напримѣръ, курсивныя фразы, очевидно, *Сіонъ* выставляетъ, какъ обидныя для себя. Но, во-первыхъ, онъ ихъ соединилъ изъ разныхъ мѣстъ статьи г. Кулиша, почему имъ и придано усиленное значеніе, во-вторыхъ—нападаетъ на то, чего нѣтъ вовсе у г. Кулиша; такъ, напри-
мѣръ, фраза: «употребляетъ (журналъ *Сіонъ*, по обвиненію *Основы*) въ дѣло съ извѣстною ловкостью и дальновидностію плутовство и хитрость.» Этого сочетанія нѣтъ у г. Кулиша; г. Кулишъ этого не говорилъ. Онъ замѣтилъ, что Іудей съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностію вывели заключеніе, что стремленія *Основы* исключительно національныя, — а словъ: *плутовство и хитрость*, которыя дѣйствительно были

бы и оскорбительны и невежливы, если бы обращены были къ журналу, у г. Кулиша *вовсе нѣтъ*: *Сіонъ* взялъ ихъ изъ протеста, котораго онъ писалъ нѣкогда *въ защиту* Евреевъ!

Иудеи достигли своей цѣли. Русскіе журналы приняли жалобу и изрекли приговоры. *Русскій Вѣстникъ* совершенно оправдалъ *Сіонъ* и обвинилъ *Основу*. Онъ не раздѣляетъ нашей мысли, чтобъ Иудеи писали для того, чтобы бросить тѣнь на Южнорусскую литературу; для насъ напротивъ, эти побужденія ясны, какъ день, ибо Иудеи отвѣчали вовсе не на то, что говорила *Основа*, а свели полемику на другую дорогу: бросили на сцену совершенно другой вопросъ, не касающійся ихъ: вопросъ о *вредѣ* южнорусскаго литературнаго движенія, объ опасности раздѣленія...

Русскій Вѣстникъ говорить:

«По мнѣнію *Основы*, еврейское племя живетъ въ Малороссіи особнякомъ. «До сихъ поръ, говоритъ *Основа*, оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ, и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а напротивъ нерѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа». *Сіонъ*, какъ органъ русскихъ Евреевъ, не могъ оставить безъ возраженія такихъ сильныхъ упрекъ. Онъ счелъ своимъ долгомъ оправдать свое племя отъ взведенныхъ на него обвиненій. Естественно, что молчать ему не приходилось, когда тѣ, кому онъ служитъ органомъ, подверглись тяжкому обвиненію въ дѣйствіяхъ противныхъ пользамъ пріютившей ихъ страны. Они не могли оставить безъ отвѣта и того упрека, что они остаются особнякомъ, въ эгоистическомъ отчужденіи. Если *Основа* не желала слышать отвѣта *жидовъ*, то она не должна была бы подвергать ихъ такому обвиненію; а коль скоро она считала нужнымъ высказать публично эти обвиненія, то она должна признать и за противниками право отвѣчать на обвиненіе. Можно ли отрицать это право защиты? Честно ли разсчитывать на какія-нибудь обстоятельства, которыя будто бы, по нашему чаянію, помѣшаютъ обвиняемому оправдываться отъ нашихъ уликъ? Еслибъ *Основа* подумала хорошенько объ этомъ, то она либо воздержалась бы отъ своихъ обвиненій, либо заранѣе допустила бы право отвѣта, и не удивилась бы этому отвѣту какъ нечаянности, и не пришла бы отъ него въ негодованіе и не стала бы, въ лицѣ г. Кулиша, прибѣгать къ неприличнымъ уловкамъ.»

Ни изъ чего не видно, чтобы *Основа* разсчитывала на то, что Евреи отвѣчать не будутъ. Не видно, чтобъ она не желала отвѣта. Если *Основа* говорить, что Евреи не сдѣлали ни одного шага къ сближенію

съ народомъ, съ которымъ они живутъ, то Евреи могли доказывать противное и приводить факты, которые могли бы опровергнуть мнѣніе, принадлежащее вовсе не одной *Основѣ*, но всей Южнорусской странѣ. *Сіонъ* не *отвѣчалъ*, а заговорилъ о другомъ. *Сіонъ* является здѣсь по другому вопросу обвинителемъ, и г. Кулишъ возражаетъ имъ, становясь по неволѣ въ оборонительную позицію. Если бы тотъ же *Сіонъ*, или другойкакой журналъ, безъ всякаго предварительнаго посторонняго побужденія, говорилъ о вредѣ южнорусскаго стремленія и подтвердилъ бы его доказательствами, конечно *Основа* и г. Кулишъ, или кто-бы то ни было, вступили бы съ нимъ въ споръ по этому предмету; но, какъ *Сіонъ*, принявшись говорить о своемъ предметѣ, вдругъ сходить на другой, къ первому не относящійся, и тѣмъ явно показываетъ, что у него задняя цѣль, — тутъ *Основа* что было отвѣчать? унижительно отвѣчать, когда спрашиваютъ не для вопроса.... *Основа* оставалось только замѣтить, что она понимаетъ слишкомъ хорошо переходъ отъ еврейскаго вопроса къ русскому. Въ томъ же *Сіонѣ* говорится: «придетъ время, и можетъ быть въ нашемъ же журналѣ разъяснены будутъ и отношенія нашего племени къ этой во всякомъ случаѣ значительной части Русскаго народа.» По нашему мнѣнію, съ того и слѣдовало было начинать *Сіону*, въ отвѣтъ на заявленное *Основою* мнѣніе Малороссійанъ о Евреяхъ. Тогда споръ *Основы* съ *Сіономъ* могъ бы быть полезенъ: *Основа* старалась бы представить темныя, *Сіонъ* свѣтлыя стороны вліянія Евреевъ на Малороссійскій край; столкновение мнѣній повело бы къ ихъ сочетанію и уясненію еврейскаго вопроса. *Русскій Вѣстникъ* смотритъ на *Основу* такъ, какъ-будто бы она заявляла требованіе, чтобъ Евреи потеряли свою народность и религію. Никогда этого *Основа* не говорила. Она только выставляла то, что было и есть, а не формулировала правилъ и законовъ, и вся филиппика *Русскаго Вѣстника* по поводу этого... неумѣстна, чтобъ не сказать болѣе.

Нѣкоторыя фразы г. Кулиша, какъ напримѣръ намекъ на сцену изъ Гоголя, гдѣ Жиды увѣряютъ Запорожцевъ, что они съ ними какъ братья родные, — дѣйствительно рѣзки, но кто вызвалъ ихъ? *Сіонъ*, своею выходкою, въ которой видно побужденіе, которое, по нашему мнѣнію, г. Кулишъ понялъ справедливо, не смотря на негодованіе *Русскаго Вѣстника*. — Выраженіе г. Кулиша *сіонское оружіе*, *Русскій Вѣстникъ* не обвиняясь переводить: *доносъ*, и подводитъ г. Кулиша подъ уровень моды. Мы не назовемъ это оружіе *доносомъ* въ прямомъ смыслѣ, но все-таки это нечто близкое къ такому слову: это расчетъ на возбужденіе

въ обществѣ, и даже въ правительствѣ, невыгоднаго взгляда на своихъ противниковъ. Не г. Кулишъ, а скорѣе *Русскій Вѣстникъ* увлекся модою. Для него при словѣ Еврей существуетъ одна отвлеченная идея равноправности; исторической почвы совѣтъ нѣтъ; современныхъ отношеній къ юридическимъ и экономическимъ условіямъ жизни южнорусскаго народа онъ и знать не хочетъ: онъ симпатизируетъ къ однимъ Евреямъ, потому что они истцы передъ литературою и общественнымъ мнѣніемъ; а что, если на этихъ Евреевъ подалъ бы жалобу литературѣ простой Малороссійской народъ и представилъ бы во всѣхъ подробностяхъ ту картину многовѣковыхъ страданій гдѣ Евреи были вѣрнѣйшими помощниками, слугами и нерѣдко откупщиками правъ его недруговъ? — До этого народа дѣла нѣтъ: онъ теперь уже не въ модѣ! Его удовлетворяли; очередь за одними Евреями! Мы не находимъ, чтобъ *Русскій Вѣстникъ*, успокаивая Малороссіянъ на счетъ преслѣдованія и запрещеній, постушалъ очень кстати, по многимъ причинамъ, не подлежащимъ здѣсь обсужденію....

Русская Рѣчь считаетъ и *Сіонъ* и *Основу* виновными, но *Сіонъ* виновнѣе. *Основу* онъ винить, если мы не ошибаемся, за выраженія г. Кулиша. Ее соблазняетъ между прочимъ эпитафій изъ Гоголя, поставленный г. Кулишемъ въ своей статьѣ «Передовые Жиды»: «а знаете ли, пане, что дѣлается?» Но мы замѣтимъ *Русской Рѣчи*, что этотъ эпитафій невольно долженъ былъ прийти на память г. Кулишу послѣ словъ *Сіона*: «Замѣьте, что идетъ дѣло все только о южнорусскомъ народѣ.» Не понимаемъ, почему *Русская Рѣчь* находитъ неразумными и несправедливыми сказанныя г. Кулишемъ слова: «не восхищаемся тѣмъ, что дѣлали предки ихъ на украинской почвѣ, и не видимъ благословенія небеснаго въ томъ, что дѣлаютъ вообще Жиды въ наше время вездѣ, гдѣ имъ дозволено и недозволено жить.» Все это совершенная правда: не одинъ г. Кулишъ, вся Малороссія въ одинъ голосъ скажетъ тоже, не по однимъ умозрительнымъ теоріямъ о равноправности челоѣческаго рода, а по житейскому опыту; а что истинно, то и разумно и справедливо. Русскіе журналисты, живущіе въ столицахъ, не бывшихъ съ Иудеями въ близкихъ соотношеніяхъ, не знаютъ ихъ и судятъ о нихъ только на основаніи общихъ гуманныхъ идей. Малороссіане ихъ знаютъ поближе и не могутъ отвлекаться до такой степени отъ дѣйствительности и уноситься въ сферу чистыхъ принциповъ: вопросъ о Евреяхъ слишкомъ близокъ имъ прошедшаго и настоящаго; они не въ силахъ потерять подъ собою исторической и современной почвы. *Русская Рѣчь* укоряетъ г. Кули-

ша за слово *недостойная* полемика, потому что сама считает выходку *Сіона* только необдуманною и ошибочною. Но что же дѣлать, если мы не можемъ такъ смотрѣть на этотъ поступокъ? наше чутье и убѣжденіе утѣраетъ насъ какъ нельзя яснѣе, что въ поступкахъ *Сіона* немало обдуманности, напротивъ — ея тамъ черезъ-чуръ много.

Русское Слово, вѣроятно, всѣхъ болѣе сдѣлало пріятнаго *Сіону*. Приведши выписку изъ *Сіона*, рецензентъ, принимающій на себя по приглашенію *Сіона*, достоинство судьи, говоритъ: «не имѣя подъ рукою статьи г. Кулиша, я тѣмъ не менѣе увѣренъ въ точности выписки, сдѣланной *Сіономъ* изъ *Основы*.» Далѣе онъ находитъ оскорбительнымъ слово *Жидъ*, не зная, что самъ *Сіонъ* призналъ это слово не оскорбительнымъ, а далѣе уже глумится надъ г. Кулишемъ не по еврейскому вопросу. Еслибы это была простая журнальная замѣтка о мимотекущемъ явленіи, тутъ *Русское Слово* могло бы смотрѣть и вскользь, если не считаетъ его важнымъ; но *Сіонъ* обращается къ журналамъ, требуя разбирательства, пересуда и приговора. *Сіонъ* былъ предъ глазами у рецензента. Рецензентъ самъ его перепечаталъ, и слѣдовательно показавъ, что за тѣмъ собственное его сужденіе произносится вслѣдствіе такого требованія *Сіона*. Можно ли же произносить приговоръ, выслушавъ только одну сторону? Еслибы *Сіонъ* былъ вполне правъ, *Русское Слово* не избѣжало бы и тогда упрека въ несправедливости, пристрастіи, недобросовѣтности за такой пріемъ суда.

Малороссіяне сознаются откровенно, что не имѣютъ вообще симпатіи къ Іудейскому племени, среди ихъ родины живущему, которую открываютъ мало знакомые или и вовсе не знакомые съ его отношеніями къ ней великорусскіе журналы, и странно было бы ее навязывать насильно, принуждать Малороссіянъ любить то, къ чему у нихъ сердце не лежитъ, хвалить то, что имъ не нравится. Во имя священной идеи свободы они просятъ уволить ихъ отъ этого. Можно судить справедливость ихъ убѣжденій, а не симпатіи или антипатіи: онѣ возрасли съ ихъ исторіей; онѣ впитаны въ каждомъ изъ нихъ съ дѣтства; они поддерживаются тѣмъ, что Малороссіянинъ видитъ постоянно на своей родинѣ. Но, при отсутствіи симпатій къ іудейству, несправедливо же и бездоказательно обвинять южнорусскій журналъ и южнорусскихъ писателей въ намѣреніяхъ изгнать Іудеевъ, истребить ихъ, подвинуть на нихъ инквизиціонныя гоненія и тому подобное. Причины нерасположенія (а не враждебности, — ее нѣтъ вовсе) между Малороссіянами и Іудеями въ

тѣхъ и другихъ. Евреи по своей религіи, по своимъ вѣрованіямъ и надеждамъ неизбѣжно должны стоять особнякомъ отъ той страны, гдѣ проживаютъ: иначе они будутъ переродки, а не Евреи. Со стороны христіанъ преслѣдовать Евреевъ — тупая ненависть, сопровождавшаяся фанатизмомъ часто варварскимъ и безчеловѣчнымъ. До сихъ поръ гражданскій порядокъ въ нашемъ краю былъ таковъ, что Евреи, пользуясь имъ для своихъ цѣлей, могли быть полезны только для вѣншей стороны жизни высшихъ классовъ и, напротивъ, должны были увеличивать тягость и безъ того униженнаго и порабошеннаго народа. Если новый порядокъ утвердился и окрѣпнеть, — и отношенія Евреевъ къ народу должны будутъ измѣниться. Чего же намъ желать? По нашему убѣжденію — отнюдь не истребленія, не изгнанія и не насильственнаго перерожденія. Намъ надобно желать, чтобы Іудеи получили совершенно равныя права, чтобы имъ дѣйствительно предоставлено было сколько возможно обширѣйшее поле ⁽¹⁾; но въ такомъ случаѣ, намъ нужно будетъ стараться возбудить въ нашемъ народѣ сильнѣйшую конкуренцію противъ Евреевъ, дабы не дать имъ возможности имѣть въ чемъ бы то ни было монополіи въ нашемъ краю. При полной обоюдной свободѣ, при сообщеніи нашему народу средствъ стать въ полную конкуренцію, — если Іудеи возьмутъ наглѣ нами верхъ, тогда уже мы не можемъ жаловаться: значить, мы не способны бороться съ ними; тогда какъ до сихъ поръ, еслибъ мы и были на это способны по своей природѣ, то стояли долгое время въ невозможности употребить свои способности и силы. Отъ Іудеевъ же мы ровно ничего не требуемъ: напрасно, поддѣливаясь къ сторонникамъ этнографической нивелировки въ государствѣ, Іудеи предлагаютъ свою народность въ пользу общерусской; напрасно при этомъ даютъ знать, что они готовы переродиться въ Великороссіянъ, но не хотятъ быть Малороссіянами: Малороссіяне этого отъ нихъ и не требуютъ и не желаютъ. Мы сочувствуемъ всякому стремленію Іудеевъ поддерживать и развивать свои вѣковыя особенности; всякое нерасположеніе къ Іудеямъ по религіозному различію есть въ нашихъ глазахъ признакъ крайняго невѣжества и глупаго фанатизма, противнаго духу христіанскаго благочестія. Мы уважаемъ еврейскую религію тѣмъ болѣе, что къ этому обязываетъ насъ высота ученія нашей собственной религіи (Послан. къ Римл. гл. XI,

(1) Статья эта уже печаталась, какъ мы узнали о новомъ распоряженіи правительства, дарующемъ Евреямъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, равныя съ нами права службы и жительства во всей Имперіи. Искренно сочувствуемъ и радуемся этой мѣрѣ. *Ред.*

23—27). Говорить вещи, противныя Иудеямъ, мы принуждены потому, что историческая истина насъ къ тому обязываетъ; а что касается до Сіона, то, сколько бы онъ ни вызывалъ на насъ протестовъ всѣхъ великорусскихъ журналовъ и великорусскихъ передовыхъ людей, мы всё-таки будемъ видѣть въ его выходахъ единственно то побужденіе, которое привело г. Кулиша въ справедливое негодованіе.

Н. Костомаровъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ПРАВДѢ МОСКВИЧАМЪ О РУСИ.

Gens Moscoviae caeteris omnibus (Ruthenis)
astutior et fallatior esse perhibetur.

Herberstein.

Въ № 14 *Дня* напечатана противъ меня статья г. И. Б — ва: возраженіе на помѣщенную въ *Основѣ* (книжка X) мою статью: *Правда Москвичамъ о Руси*. Считаю долгомъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ.

Г. И. Б — въ говорить обо мнѣ, что я — «тотъ самый, который постоянно проповѣдуетъ о *перевѣсѣ* въ насъ, сѣверноруссахъ, финскаго и татарскаго начала надъ славянскимъ.» Я не только постоянно не проповѣдывалъ ничего подобнаго, напротивъ, въ двухъ возраженіяхъ на такія точно мнѣнія Поляковъ, напечатанныхъ во II и X книжкахъ *Основы*, доказывалъ противное.

Вспоминая сказаніе, вошедшее въ списки хронографовъ XVI и XVII вѣковъ, гдѣ разсказывается, что Ильменскіе Словене пришли съ юга (Россіи?) и нашли тамъ Славянскій народъ, говорившій бѣлорусскою (!) рѣчью, И. Б — въ предоставляетъ читателямъ рѣшить: можно ли опираться на нее, когда мы можемъ читать прямыя и ясныя свидѣтельства достовѣрнаго древняго лѣтописца, и когда притомъ я самъ сказалъ, что это сказаніе обезображено книжною мудростію? Но почему же г. И. Б — въ скрылъ настоящую причину, по которой я не считалъ умѣстнымъ отбрасывать это сказаніе въ кучу выдуманныхъ книжниками и вижу въ немъ историческія основы? Это именно то, что важнѣйшія черты этого сказанія сохранились до сихъ поръ въ изустныхъ преданіяхъ народа, а это показываетъ, что тѣ, которые внесли его въ хронографы, не выдумали его

сами, а заимствовали изъ народной памяти. Въ этомъ вся сила. Г. И. Б — въ, конечно, это понимаетъ, но счелъ за нужное не коснуться этого, представивъ дѣло такъ, будто бы я ни съ сего, ни съ того опираюсь на сказку, которую самъ призналъ обезображенною въ нѣкоторыхъ частностяхъ мудростію книжниковъ. Добросовѣстно ли *такъ* возражать противнику? Если бы г. И. Б — въ имѣлъ въ виду дѣло науки, то ему слѣдовало оцѣнивать это сказаніе непременно въ связи съ значеніемъ изустнаго преданія. А коль скоро онъ не упомянулъ о томъ, что мнѣ давало поводъ опираться на сказаніе, то значитъ — имъ руководило личное побужденіе — нанести противнику ударъ, не разбирая средствъ. Какой же результатъ изъ этого? Если кто-нибудь принялъ мое мнѣніе, тотъ не разубѣдится отъ возраженій г. И. Б — ва, когда онъ не коснулся вовсе основанія, на которомъ это мнѣніе построено.

Г. И. Б — въ, не одобряя меня за то, что для пѣсни, записанной въ Новолодожскомъ уѣздѣ, я употребилъ малороссійское правописаніе, сравниваетъ меня съ Французомъ, который писалъ: *Moscou*, que les Russes dans leur barbare ignorance appellent incorrectement *Moskwa*. Въ этомъ сравненіи нѣтъ никакого подобія; скорѣе былъ бы я похожъ на Француза, который бы написалъ *Moskwa* вмѣсто *Москва*, то есть буквально, не измѣняя выговора, передалъ бы латинскими буквами названіе, написанное русскими. Малороссійское правописаніе не измѣняетъ выговора Новолодожской пѣсни, а только облегчаетъ его. Если въ Новгородской губерніи буква *ь* выговаривается за *i*, то что же тутъ неправильнаго, если я вмѣсто *святъ* напишу *світъ*?

Г. И. Б — въ говоритъ, что въ иныхъ селеніяхъ Московской, также какъ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, можно встрѣтить такой же говоръ, какой я встрѣтилъ съ восторгомъ, (замѣчаетъ г. И. Б — въ; откуда онъ знаетъ о моемъ восторгѣ?) въ Новолодожскомъ уѣздѣ. *Напрасно* г. И. Б — въ не привелъ подобныхъ образчиковъ. Впрочемъ, колонизація Новгорода простиралась далеко; не мудрено, если въ Волоколамскомъ уѣздѣ, составлявшемъ нѣкогда часть Новгородскихъ владѣній, встрѣчаются какіе-нибудь слѣды новгородскаго нарѣчія. Это, во всякомъ случаѣ, было бы любопытно.

Г. И. Б — въ говоритъ, что онъ «сказалъ и ясными свидѣтельствами лѣтописи *доказалъ*, что между сѣвѣрною и южною группою нашихъ Славянъ была значительная разница въ строѣ жизни, и что эта разница состояла въ двухъ историческихъ явленіяхъ — въ генетической связанности и въ преобладаніи городской жизни у сѣверныхъ нашихъ

Славянъ въ такое время, когда на югѣ племена жили спорадически, несвязанными между собою, враждебными группами, и когда у нихъ было слабѣе развитіе городской жизни. « Это онъ сказалъ, но не доказалъ и не докажетъ никогда, по неимѣнію у него источниковъ, сколько бы онъ ни переворачивалъ скудныхъ извѣстій лѣтописца. Вотъ что говорить г. И. Б — въ:

«Г. Костомаровъ ужъ просто спрашиваетъ: откуда видно, что у южныхъ Славянъ былъ такой (спорадическій) строй жизни? Отвѣчаю: это видно изъ того же мѣста Несторовой лѣтописи, изъ котораго видно, что у сѣверныхъ, напротивъ, была генетически связанныя вѣтви колоній. Вотъ оно: «и по сихъ братьи почаша родъ ихъ держати княженъ въ Поляхъ, въ Древлехъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣ-городѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане; отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи; такъ Сѣверъ отъ нихъ.» Кажется, ясно, какая была разница въ строѣ жизни у Полянъ, Древлянъ и Дреговичей съ одной стороны, и у Новгородцевъ, Полочанъ, Кривичей и Сѣверянъ — съ другой.»

Ничего тутъ яснаго нѣтъ для мысли г. И. Б — ва. Изъ этого мѣста видно только, что каждый изъ народовъ жилъ себѣ особо отъ другихъ, и указаны мѣста ихъ жительства. Болѣе ничего. Г. И. Б — въ насильственно толкуетъ по своему предлогъ *отъ* и хочетъ вывести, что народы, которые поставлены послѣ этого предлога, были колоніями тѣхъ, которые поставлены прежде того же предлога. Но предлогъ *отъ* состоитъ въ связи съ глаголомъ *сѣдять*: *отъ нихъ сѣдять* значить — за ними помѣщаются. Здѣсь смыслъ предлога *отъ* тотъ же, какъ въ словахъ *оттуда*, *отсюда*. На стр. 3 Лаврентьевскаго списка исчисляются пришедшіе съ Дуная Славяне такъ. «Словѣне, пришедше, и сѣдоша по Днѣпру и прозвашася Поляне, а друзи Древлане, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзи сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Полочане, Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ и сѣблаша градъ и нарекоша и Новѣ городъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разыдеся Словѣньскій языкъ.» Ну, гдѣ же тутъ особая генетическая связь на сѣверѣ, какой нѣтъ на югѣ? Тутъ все — *друзи* и *ини*, все самобытно поселяются на своихъ мѣстахъ, а не происходятъ одни отъ другихъ? Древлане — друзи въ отношеніи Полянъ, и Сѣвера — друзи въ отношеніи Словенъ Ильменскихъ. Кривичей здѣсь нѣтъ; нѣтъ ихъ и въ

другомъ перечисленіи Славянскихъ народовъ, на стр. 5, послѣ словъ: «се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси». Нѣтъ также въ обоихъ мѣстахъ лѣтописи Радимичей и Вятичей. А между тѣмъ несомнѣнно, что эти три народа—Славянскаго племени. Отчего же ихъ нѣтъ? Оттого, что лѣтописецъ не считаетъ ихъ принадлежащими къ группѣ Славянъ, пришедшихъ съ Дуная. Онъ упоминалъ о нихъ тамъ, гдѣ описываетъ мѣстоположеніе народовъ, живущихъ на русскомъ материкѣ, включая туда и финскихъ, и потомъ, вычитая изъ общей массы Славянскіе народы, о Кривичахъ не говоритъ такъ же точно, какъ и о Радимичахъ и Вятичахъ. Отсюда для меня ясно, что въ массѣ Славянорусскаго народа надобно отличать *пришлыхъ* и *непришлыхъ* съ Дуная, и къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести Кривичей.

Г. И. Б — въ говоритъ: «Г. Костомаровъ просто искажаетъ лѣтописный текстъ. Чтобы Полочанъ оторвать отъ Новгородцевъ, онъ читаетъ: *а друзи на Полотѣ* въ знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ Несторъ ясно говоритъ, что Славяне (Ильменскіе) держати почаша (княженъе) свое въ Новѣгородѣ, *а другое* на Полотѣ. На это скажемъ г. Костомарову, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ чтеніе *а другое* стоитъ безъ вариантовъ, что тоже онъ найдетъ въ Софійскомъ Временникѣ, что, наконецъ, слѣдуетъ читать внимательно.»

На стр. 8, въ строкѣ 10, у меня, въ статьѣ «Правда Москвичамъ о Руси» напечатано: «Словѣни (держати почаша княженъе) свое въ Новѣгородѣ, *а другое* на Полотѣ, иже Полочане.» Далѣе же, гдѣ я разбираю этотъ текстъ, дѣйствительно вкралась опечатка *друзи* вмѣсто *другое*. Г. И. Б — въ видѣлъ ясно, что это опечатка, когда за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ самый сплошной текстъ напечатанъ *правильно*, слѣдовательно зналъ, что я не *искажалъ* текста.

Далѣе г. И. Б — въ говоритъ: «что касается до моей мысли о слабости развитія городской жизни у южныхъ Славянъ, то г. Костомаровъ возражаетъ мнѣ тѣмъ, что въ XII вѣкѣ было болѣе городовъ на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ.» Но почему же г. И. Б — въ умалчалъ о слѣдующихъ словахъ моихъ: «Въ глубокой древности у Улучей и Тиверцевъ были города на Днѣстрѣ и по Черноморскому поморью: *спдяху по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне?*»

Послѣ всѣхъ этихъ недобросовѣстныхъ увертокъ, г. И. Б — въ сообщаетъ читателямъ, что я сочинилъ басню о Славянофилахъ на церковно-славянскомъ языкѣ, которая показываетъ, что мнѣ плохо знакомъ этотъ языкъ. Не я сочинилъ басню, а назвалъ баснею то, что г. И.

Б — въ сложижѣ о Радимичахъ и Вятичахъ, и полагалъ умѣстнымъ, для наставниковъ юношества, сдѣлать къ ней объясненіе, которое писалъ на русскомъ, а не на церковно-славянскомъ языкѣ. Зачѣмъ же г. И. Б — въ сообщаетъ читателямъ, будто я писалъ на церковно-славянскомъ языкѣ? Вѣдь это ложь. Не имѣя образчика моихъ сочиненій на церковно-славянскомъ языкѣ, г. И. Б — въ не въ состояніи судить о моихъ познаніяхъ въ немъ.

Впрочемъ, это, какъ видно, мѣстная Московская замашка — съ плеча подписывать плохія аттестаци. Недавно случилось мнѣ развернуть *Московскія Видомости*; тамъ рецензія «Памятниковъ», изданныхъ графомъ Кушелевымъ-Безбородкомъ подъ моею редакціей. Меня укоряютъ въ совершенномъ незнаніи стараго языка, а въ доказательство приводятъ между прочимъ слѣдующее обстоятельство: въ «пророчествѣ св. Варлаама» читается: *преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ святаю ради житія беззлobie душа даромъ пророчества сподобися*. Я читаю: *беззлюбива* душа, и потому напечаталъ: *беззлobie (бива) душа*. Рецензентъ полагаетъ, что надобно читать: *беззлobieмъ* душа, и сей-часъ дѣлаетъ приговоръ, что я не знаю грамматики, что мнѣ неизвѣстенъ былъ родительный падежъ. Но, кромѣ правилъ грамматики, есть еще извѣстные приемы выраженія въ нашихъ памятникахъ, до которыхъ мой критикъ, должно быть, еще не доучился. *Беззлюбива душа* есть часто употребительное, какъ-бы условное выраженіе въ житіяхъ святыхъ; такъ, напримѣръ, хотъ въ томъ же томѣ «Памятниковъ» на стр. 247; въ этомъ мѣстѣ, по смыслу, видно то же самое выраженіе.

Н. Костомаровъ.